

Георгий Какава · Дмитрий Самков

18+

ДОРОГА ДО СОЛНЦА

Дмитрий Самков
Георгий Какава
Дорога до Солнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58143291

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04028-1

Аннотация

Дивный мир, процветавший на островах в холодных водах океана 3-4 века назад сегодня видится сквозь розовую дымку и сладкий аромат цветущей сакуры, однако это не было так романтично. Когда все вокруг рушится, когда жить как раньше уже невозможно, есть только один выход: начать с чистого листа. Не каждому даруется шанс сойти с намеченного пути, не каждый может выбрать другой сценарий своей истории. Получится ли это у одинокого война в средневековой Японии? Жизнь—это дорога, дорога до Солнца. Кто-то старается пробежать ее как можно скорее; кто-то шагает осторожно. Кто-то сбивается с пути и падает, а кто-то доходит до самого конца.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ронин	10
Глава 2. Незванный гость	22
Глава 3. В тени соломенной шляпы	40
Глава 4. Воздух, которым тут дышат	55
Глава 5. Кукольный город	68
Глава 6. Новая забота	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Пролог

– Просыпайтесь, – громким шепотом раздался хриплый женский голос.

Повариха зашла в темную комнату. Запах плесени и сырости ударил в нос. Было темно, тусклый свет проникал через узенькое оконце, струился молочным ручейком по стене и разливался по полу. Ржавые ключи исчезли в складках ее одеяния. Они позвякивали, и звук этот раздавался эхом в конце длинного коридора, откуда пришла гостья.

Женщина была в сером поношенном платье. Подол украшали заплата и потертости, несколько пятен сажи и жира. Длинная белая шея была статно и изящно выпрямлена, острые черты лица добавляли строгости образу. Оно было усталым и грустным, но во взгляде всегда присутствовала гордость и спокойствие. Серые волосы изо дня в день были туго собраны и уложены наверх, только один выбивающийся локон всегда спускался со лба, окаймляя скулу.

– Не шумите, – сказала она, увидев десяток молодых девушек. Они встали со своих лежанок и начали вяло подтягиваться к середине комнаты. Белые фигуры, точно призраки в ночи, выглядели очень изможденными. Угловатые плечи, длинные пальцы, впалые глаза, ярко-выделенные ключицы и ровная бледная кожа, выглядывающая из глубоких декольте запашных платьев, выполняющих скорее роль накидок, что-

бы совсем не замерзнуть.

– Что случилось, госпож...

– Тщ, – она приставила палец к губам. – Берите свои вещи и идите за мной.

Женщина выглянула в коридор, осмотрелась по сторонам и вышла из комнаты. Мужчин не было видно. В последнее время их стало меньше. Она следила с кухни за тем, что происходит внутри этих стен и видела, что хозяева куда-то постоянно уходят. С каждым разом в крепости становилось все тише и спокойнее. Старая повариха понимала, куда они пропадают, она знала, что происходит и по вечерам, когда ложилась в свою кровать и думала об этом, она не могла сдержать улыбку.

Одним утром старуха проснулась и поняла, что стало подозрительно тихо. Со своего рабочего места она заметила, что мужчин совсем мало, некоторые участки на стене остались без часовых. Она часто навещала девочек, поэтому в этот раз, как обычно, пошла к ним утром. И вот они уже идут по центральной площади с видом хозяев.

Пожилая женщина с раннего детства росла самостоятельной. Эти глаза получили цвет ответственности, еще когда ей было пятнадцать. Она привыкла все делать сама, привыкла, что на ней висит вся жизнь, кипящая и бурлящая вокруг. Благодаря этому, она всегда знала себе цену. Это внутреннее ощущение было стержнем, показывало высокую «породу». Это в ней видели все. Кто-то ее уважал, кто-то боялся.

Спустя годы маленькая девочка превратилась в статную даму. Даже в этой крепости, где она жила в какой-то каморке, грязной и тесной, где она служила обычной поварихой, женщина все равно заставляла этих мужчин опускать глаза. Она могла крикнуть что-то им, и те сразу успокаивались, смотрели на нее с легким испугом, даже самые наглые, взгляд был похож на тот, что примеряют на себя нашкодившие дети перед матерью. Она смогла в этом несправедливом мире, где привилегии раздаются мужчинам, рожденным в данном племени, в котором женщины появляются лишь с одной целью, выпрямиться, и с гордо расправленными плечами, вытянутой в струну спиной подняться по головам этих глупых мальчишек до того уровня, где она находится сейчас. Формально, она все еще повариха, формально, хранится в этой крепости, как вещь. Да только вот на деле, женщина знает, что перед ней открыто гораздо больше дверей, чем у нее есть ключей, что она может позволить себе гораздо больше, чем ей позволяют мужчины. Она чувствовала их уважение, и это безусловно расширяло ее права.

– Госпожа, нам ведь влетит! – жалобным голоском сказала одна из девушек. Она была очень худенькая. Лицо отображало испуг. Она бежала трусцой, неуверенно наступая на землю, среди десятка таких же как она, прячась за спиной уверенной поварихи, пока та ступала размеренно, чеканно, даже немного величественно.

– Так! – приказным тоном сказала пожилая женщина. –

Успокоились и слушаем меня. Я знаю, что делаю, поэтому сомневаться неуместно!

Девушка стыдливо посмотрела в пол, ее белые щеки вспыхнули смущенным румянцем.

Процессия двигалась так по узким улочкам старой деревянной крепости, направляясь к стене. Ворота оказались закрыты, а перед ними стоял худенький парнишка. Его тонкие ноги выглядывали из-под грязной рваной тряпки, обвязанной вокруг пояса. Еще не мужское, а совсем мальчишеское тело было местами измазано грязью. Легкий пушок начал появляться у него на груди, а лицо не приняло выраженных угловатых черт. Тем не менее он решительно выступил вперед, грозно смотря на группу девушек. Они не должны тут находиться, это запрещено.

– Стоять! Вернитесь на свое место! Вы забыли, что бывает за неповиновение?!

Но повариха не остановилась, даже когда ее «свита» притормозила, не решаясь послушаться приказа этого караульного. Она сделала еще несколько шагов и посмотрела пристально в его глаза. У него в руках была сабля, направленная в лицо женщине. Она же просто стояла. Руки ее изящно были переплетены в ладонях чуть ниже груди, плечи расправлены, подбородок поднят. Под ее взглядом юноша начал терять свою уверенность. Он опустил голову, отвел глаза, а ноги стали словно ватными.

– Куда вы направляетесь? Вернись в свою комнату и запри

их... – начал было он, уже не таким уверенным голосом.

– Открой ворота, – тихо и властно сказала женщина.

Юноша оторопел. Его лицо исказилось удивлением, он не ожидал такого от простой поварихи. Он открыл рот, чтобы приказать нахалке уйти прочь.

– Мы уходим. Сейчас и навсегда. Так и передай этому по-мойному псу, если он вообще вернется.

Женщина не стала дожидаться ответа. Она просто пошла на парня, не сворачивая и не отводя своего взгляда. В конце концов он подчинился ее воле и отскочил в сторону, опустив глаза в пол. Еще секунда и она бы его задела. Девушки неуверенно проскользнули следом за своей предводительницей. Группа остановилась перед высокими бревенчатыми воротами. Они были закрыты на огромный засов с увесистым замком. Посмотрев на него, повариха развернулась. Парень стоял в стороне и глядел в пол. Почувствовав на себе взгляд женщины, он поднял глаза. Несколько мгновений ее строгое лицо в морщинах сурово смотрело на него, пока юноша не вздрогнул и не отвернулся. Он подошел к замку и судорожно начал перебирать ключи. Уронив их на пол, парень стал шарить по земле, пытаясь поднять ржавую связку. Руки неуверенно открыли и сняли замок. Он шагнул в сторону. Строгая госпожа посмотрела на него с таким возмущением, какое присуще оскорбленной даме. Примечательно, что ее лицо вообще не изменилось, тело осталось в том же положении, только глаза полыхнули так, что парень мигом поднял

тяжелый засов и открыл ворота.

Бескрайние синие просторы моря, соединяющиеся с белоснежной полосой мягкого песка. Зеленые поля, простиравшиеся далеко вперед. Их ровность нарушал лес, местами редеющий, а местами становившийся непроглядно черным. Над крепостью возвышалась скала, часть крупных зданий стояли у самого ее отвесного края, всегда находясь в тени.

Женщина решительно двинулась по дороге, даже не оборачиваясь назад, чтобы взглянуть на безобразные деревянные стены. Медленной походкой она вышагивала, подняв голову с гордостью, но не с той, с которой идут победители, а с природной, самой естественной. Следом за ней неуверенно шли молодые худенькие девушки. У них начинается новая жизнь. Чей-то конец становится чьим-то началом.

Глава 1. Ронин

*Ведь это было пять минут назад,
Воспоминание бурей пронеслось,
Будто вернулся в этот сад:
Улыбка, радость, смех, курьез.*

Волны, со звоном разбивающиеся о берег, то выбрасываются с густой пеной на сушу, то тонкими ручейками стекают обратно в глубину. Этот звук гудит в ушах, и только он начинает затихать, как следующий удар наполняет голову спокойным, но, кажется, невыносимо громким шумом. Чайки, парящие в небе, то и дело ныряют под воду, увидев серебристую спину рыбешки, и только брызги, разлетающиеся в разные стороны, сверкающие на солнце, напоминают об этом; сначала одна крикнет, сидя на утесе, возвышающемся недалеко от берега, и десятки других зальются пронзительным воплем, и вот уже некогда казавшийся громким шум волн едва различим. Судно покачивается в такт ветру, который колеблет поверхность моря, это движение может убаюкать, подобно движению матери у детской колыбели. Доски, созданные из столетних деревьев, скрипят так тихо, что даже звук собственного дыхания может его заглушить. Брызги отлетают от бортов во все стороны, и маленькие капельки, подхваченные ветром, оседают на щеках, заставляя поморщиться-

ся.

– Снимай! Снимай быстрее! Чего ты там копаешься так долго?!

– Не могу, не получается.

– Попробуй с этой стороны.

– Черт, не понимаю, как это снять!

– Ну так давай! Тяни сильнее!

– Сейчас, уже почти.

– Ну поживее там!

– Да пытаюсь я! Пытаюсь!

Люди. Они все время нарушают ту идиллию, которую вокруг создает природа. Тэкеши медленно открыл глаза. Лучи яркого солнца, до этого не проходившие сквозь веки, в одну секунду ударили по черноте; все вокруг стало ослепительно белым, невозможно было не зажмуриться. Еще одна попытка, а за ней еще одна; постепенно воин смог различить фигуры, окружившие его. Невысокий мужчина стоял в метре от головы только что очнувшегося, его серая рубаха была вся в пятнах от рыбы, руки замотаны лоскутами уже пожелтевшей ткани, а широкая шляпа была настолько дырявая, что едва ли спасала от палящих лучей в особо жаркие дни. Он крутил в руках небольшой клинок; по красной ленте, местами потерявшей свой цвет, но с по-прежнему отчетливо заметными иероглифами, аккуратно начертанными юным самураем, которая была намотана на рукоятку, Тэкеши сразу узнал свой

вакидзаси¹. Вторым человеком был юноша, лет семнадцати на вид. Он сидел у ног самурая и усердно пытался стянуть его поножи. Лицо его было спрятано за волосами, мокрыми от пота; рваные брюки были неумело заштопаны на скорую руку и явно принадлежали кому-то, кто сильно крупнее этого юнца. Ребра, проглядывающие сквозь кожу, выдавали в молодом человеке отчаявшегося от голода сына рыбака.

В следующую секунду Тэкеши уже стоял на ногах, его глаза осматривали неумелых воров, но в мыслях он знал и без этого, какие движения через мгновение сделают его единственным живым человеком на этом корабле. Еще секунда. Катана² в его руках сверкнула ярче солнечных лучей, отражающихся от поверхности воды. Еще секунда. Тэкеши стоит один на палубе, его катана по-прежнему чиста и сверкает, за бортом слышится всплеск, неуклюжие тела барахтаются в воде.

Воин сделал шаг вперед и поморщился: острая боль пронзила его тело – за ночь кровь уже остановилась, но раны еще долго будут о себе напоминать. Он поднял свой меч, который трусливый рыбак уронил от неожиданности, поправил ленту.

Каждая капля на этом мече – груз на твоём плече

¹ Вакидзаси (сёто) – короткий японский меч. В основном использовался самураями и носился на поясе. Его носили в паре с катаной.

² Катана (дайто) – длинный японский меч, который имели право носить только аристократы и самураи. Последние, как правило, носили два меча: дайто и сёто (большой и малый соответственно), эта пара называлась дайсё.

С этими словами отец передал ему пару своих мечей. Спустившись на сушу, Тэкеши сразу почувствовал жар, исходящий от камня, которым была вымощена дорога, и, конечно же, сильный запах рыбы, которая могла уже потерять свою свежесть под палящим солнцем. По сторонам были только одноэтажные деревянные домишки, покосившиеся не то от старости, не то от неумелых рук тех, кто их возвел. Похоже, это небольшая портовая деревня, которая ничем не отличается от тысячи других таких же деревень: все завязано на рыбе и изредка заходящих торговых кораблях; население едва ли превышает полсотни, потому что мужчины умирают на войне, а женщины от голода, ну те, кто доживает до четырнадцати, естественно. «Интересно, думали ли эти люди когда-нибудь о том, что в мире есть множество мест, где можно заниматься не только рыболовством? Знают ли они, что даже служанки сёгуна³ едят лучше, хотя во дворце их и за людей почти не считают?», – подумал Тэкеши, глядя на кораблик-точку у горизонта. Когда Тэкеши был на службе у своего господина, он видел много таких городов, он путешествовал по всей Японии, но было в этом Богом забытом месте что-то еще... Вот дом, у которого дверь висит на одной петле, вот оборванная бельевая веревка, как долго на нее ничего не вешали? Где же жильцы этого дома?

³ Сёгун – в период Эдо фактический правитель Японии, являющийся административным управляющим страны, но в отличие от императора не обладающий сакральным обоснованием власти. Де-юре подчиняется суверену, который назначает на этот титул, однако де-факто, титул «сёгун» переходил по наследству.

От этих мыслей Тэкеши отвлекла женщина, громко захлопнувшая после выхода дверь. Воин решил узнать у прохожей, в какой части империи он находится, но, услышав голос, женщина вздрогнула. Когда она обернулась на него, лицо ее моментально изменилось и приняло выражение страха. Женщина за пару секунд оглядела незнакомца и быстро убежала в свой дом. Пройдя дальше по улице, герой заметил, что людей не то что полсотни, тут и тридцати не наберется. Тэкеши, все еще верящий в то, что кто-то из жителей сможет ему подсказать, где он находится, направился в сторону от моря, вглубь деревни. Люди из окон смотрели на него с подозрением. Замечая, что он их видит, они моментально задергивали шторы, а те немногие, кто был на улице, сворачивали в переулки, видя его вдали. Тэкеши не мог представить в какой части Японии он оказался, ясно было одно: оставаться в этой деревне он не собирается, и чем быстрее он выйдет за ее пределы, тем быстрее эта гнетущая атмосфера тишины и напряжения его отпустит. Уверенным шагом он направился по прямой дороге, в конце которой виднелись ворота. Только он вышел за стену, как почувствовал, что взгляд последней женщины, той, что сидела в самом крайнем доме и не отводила глаз даже тогда, когда он посмотрел на нее, уперся в потемневшие от старости доски массивных дверей, которые Тэкеши с яростью и одновременным облегчением захлопнул. Наконец-то тишина. Другая тишина. Больше не чувствуется этого тревожного молчания, каждая секунда ко-

того заставляет сердце ускоряться. Тэкеши почувствовал не жар, исходивший от деревенской земли, а приятное тепло солнечных лучей на своем лице. Казалось, он слышал, как они пронизывали воздух, добираясь от далекой звезды сюда, к нему. Идти сразу стало легче, раны как будто забыли, что им свойственно болеть и зажили, а тяжелые доспехи едва ли стали весить больше льняной рубахи.

Трудно сказать, сколько самурай шел по этой дороге. Если ориентироваться по солнцу, то часа четыре, если по ощущениям, то не меньше жизни. Горы вдалеке напоминали огромные стены, которые никого не пропустят в этот уголок планеты. И синие корни вращались в зелень лугов, которая, становясь деревьями, тонкими струйками поднималась к самым вершинам, где цвет камня уже не был сине-серым, а становился голубым за туманной дымкой. Снежные шапки не давали этим великанам слиться с небом, а может это облака? А вот река, которая проходит ровно между двумя соседними горами. Вода настолько чистая, что кажется, будто это Земля расколослась и мы видим продолжение неба. Сначала эта синяя ниточка петляет между деревьев, пытаясь будто бы запутать случайного наблюдателя и спрятаться от него, но потом становится все шире и шире, и вот Тэкеши стоит уже перед могучим потоком, который с шумом пронесется мимо вместе с небольшими веточками и листиками. Вот место, где река прячется под мостом, все-таки смог человек оставить свой след в этом мире, но его можно простить, на ту сторону

перейти все же надо. Проходя мост, воин посмотрел вниз, где, даже не вглядываясь, он смог разглядеть каждый камешек. Как странно, некогда такая ярко-голубая вода сейчас уже не кажется такой, сейчас перед ним нет ничего, она настолько прозрачна, что лишь завихрения на кромке, вызванные быстрым потоком, напоминают о ней. Стая мальков гоняется друг за другом, пока крупная рыба не проплывет над ними. Яркие спины этих беззаботных и добродушных обитателей реки заставляют грустить, что природа создала такую красоту под водой, но не наделила человека возможностью насладиться ей. И только такие прозрачные места созданы будто нарочно, чтобы подразнить, показывая только самую малость от того волшебного мира, доступного обладателям жабр и плавников.

Тэкеши мог бы простоять весь день на этом мосту, если бы его не отвлек стук копыт и тихое пение, хриплым голосом разливающееся по всей долине. Совсем крохотная старушка сидела в телеге, едва доставая ногами до нижней перекладины. В ее внешности не было абсолютно ничего приметного, он мог бы встретить такую бабушку в любом уголке Японии: серебряные волосы, туго собранные и подвязанные лентой, виднелись из-под сугэгасы⁴. Лицо было все исписано морщинами, но это нисколько не сказывалось на ее красоте;

⁴ Сугэгаса – традиционный головной убор в Японии, представляющий собой коническую широкополую шляпу крестьянина. Сплетена из осоки. Если шляпа сплетена из рисовой соломы, то называется “амигаса”

каждая трещинка на этом лице как будто с гордостью заявляла: «Да, я видела в этом мире все, и время отметило это, чтобы не дать мне об этом забыть». Платье, цвет которого трудно передать: можно увидеть и зеленый, и коричневый, и серый – было скроено очень просто, но невероятно аккуратно. Белый воротничок, торчащий из-за запаха одеяния, не оставляет даже и повода назвать ее грязной крестьянкой, хоть мозоли на руках и черная грязь, забившаяся в глубокие линии на ее ладонях, несомненно, свидетельствуют о том, что старая японка проводит большую часть своей жизни возделывая почву, несмотря на свой возраст.

Заметив Тэкеши, женщина потянула поводья. Невольно удивляешься, видя, как эта кроха останавливает лошадь, весящую, пожалуй, в сотни раз больше ее самой, а в руках нет даже капли напряжения. Лошадь будто бы сама решила остановиться, и только натяжение в веревках выдает волю старой женщины.

– Сколько лет тут ездю, но таких путников еще не видала! Здравствуй, господин! – ее хриплый бархатный голос звучал тихо, но воин слышал каждое слово отчетливо. – Ну что ты молчишь? Неужели я такой неприятный собеседник, что ты даже не поздороваешься?

– Здравствуй.

– Ну, хоть голос твой услышала. Как ты оказался в наших краях?

– Что это за место? В какую сторону мне идти, чтобы до-

браться до Эдо⁵

– Эдо?! – старушка звонко засмеялась. – Ничего себе! За-
чем же тебе туда?

– Я там живу, там мой господин, – на последних словах
Тэкеши сделал паузу и посмотрел в землю.

– Значит я все правильно поняла, ты самурай?

– Был. Нет у меня господина! – его взгляд устремился пря-
мо в глаза старушки.

И сразу увидел какую-то теплоту. На лице женщины не
дрогнула ни одна морщинка, она как будто не услышала гру-
бости, с которой Тэкеши ей ответил. Напротив, ее лицо укра-
сила улыбка.

– Так значит, ты...

– Да, я ронин. Самурай без господина.

– Ну, на это можно посмотреть и по-другому. Господина у
тебя нет, но так ли он тебе нужен? Я вот всю жизнь без гос-
подина прожила, и ничего. Муж был, дети есть, а вот госпо-
дина нет. А до Эдо тебе будет очень трудно добраться... Без
лодки. Посмотри лучше, какая тишина вокруг. Я слышала,
что в центре империи совсем не так. Впрочем, дело твое, ес-
ли тебе действительно это надо, – старушка снова звонко за-
смеялась и дернула поводья. Ее лошадь медленно пошла, од-
нако через минуту о них напоминала только пыль, подняв-

⁵ Эдо – крупный город. В период правления клана Токугава (1603-1868) играл политико- административного центра Японии. Данный период получил название в честь этого города. Ныне это действующая столица Японии – Токио.

шаяся от колес.

Так ли он тебе нужен?

Слова эхом отдавались у него в голове. Он стоял и не мог сдвинуться с места, пока в воде не плюхнула хвостом рыбка. «Куда же меня все-таки занесло», – подумал воин и пошел в сторону леса.

Лучи теплого солнца долетали до земли и оставались там янтарными лужицами. Оно давно миновало зенит и сейчас медленно катилось к шапкам гор, которые уже не были белоснежными, они пленяли нежно-розовым цветом; отвести взгляд было невозможно. Еще через десять минут Тэкеши уже не помнил ни старушку-кроху, ловко управляющую своей повозкой, ни странных людей в портовой деревне, ни того, что случилось минувшей ночью. Казалось, что до этого момента его не было на этой Земле, будто он не существовал. Он посмотрел на небо. Стая журавлей пролетала над долиной. Огромные крылья этих свободных птиц резали небо, оставляя за собой алые полосы заката. Эти птицы – это еще одно коварство природы. Человек видит их с земли. Эти гордые точки в небе, которые изредка спускаются ниже, позволяя любоваться собой мгновение и снова взмывают в небо, сами они видят мир таким, каким ни одному человеку увидеть его не дано. Мы можем лишь фантазировать и представлять, что видят эти свободные странники с высоты, с которой могут посоревноваться только, может быть, горы. Ах, люди! Сколько они о себе думают, но в конце концов, мы

можем лишь мечтать о том, что однажды, хотя бы раз, мы увидим это во сне.

Посмотри лучше, какая тишина вокруг!

И правда – тишина. Только шелест листьев, который, надо сказать, был очень приятным, отделял Тэкеши от абсолютной спокойствия. Деревья как будто тоже уговаривали заблудившегося воина остаться. На входе в лес, густой и темный, прямо на стволе дерева,

выгравировано:

Прислушайся, тут говорят шепотом

По телу самурая пробежали мурашки, заставившие его поежиться и вздрогнуть, и в голове сразу раздался громкий голос, который будил их раньше по утрам – его господин. И детский крик... И все стихло.

Как только густая крона многовековых деревьев сомкнулась за его спиной, в голове не осталось и эха от прошлых звуков. Не меньше часа герой шел в полной тишине, в сопровождении только одного лишь шепота. Шептал ли это кто-то в лесу, или может деревья так делились с ним мудростью, которой обросли за столько лет, а может это его собственные мысли, которые он не решался озвучить себе всю жизнь сейчас вырывались наружу. Пускай они были не громче шелеста деревьев, но кажется, будто Тэкеши оглох бы от их пронзительности, будь они хоть самую малость громче. Так или иначе, ронин был уверен, что ему больше никогда не надо

возвращаться в Эдо, его ничего не держит и никто не ждет. Что дальше? Куда теперь?.. А так ли это важно? Сейчас надо лишь найти ночлег, потому что солнце уже сменилось луной, и теперь тысячи тысяч звезд, как маленькие глаза, смотрят на него и ждут: как же дальше сложится его жизнь.

Выйдя из леса, в низине, на склоне одного из холмов Тэ-кеши увидел несколько огней. Похоже это деревня.

Глава 2. Незванный гость

*Ее избалованный вид,
Поблекший в сей тени раздора,
Щедр на свои скалы и хребты,
Красив на свои прекраснейшие горы.*

*Безнадежность – не помеха ей,
Продолжит быть она сплоченной.
Жемчуг родины моей,
Процветай, живи, ни беды не знай, ни горя!*

Запах сырости и плесени ударил в нос. Да, бывали пробуждения и поприятнее. Открыв глаза, Тэкеши понял, что ничего не изменилось: он лежал на полу в комнате, где окон не было, а во всем остальном доме окна были настолько грязными, что едва пропускали солнечный свет; темнота осталась темнотой.

Не то что бы прошлой ночью у него было много времени на осмотр. Увидев пустой, полузаброшенный дом, воин понял, что очень устал, и, если он хотя бы попробует найти другое место для ночлега, ноги его предадут и откажутся служить. И раны, о которых он напрочь забыл, пока пребывал в том раю, резко дали о себе знать, точно, как маленькие дети, будто бы нарочно просыпаются и заливаются неисто-

вым криком именно в тот момент, когда изнеможенная мать смыкает глаза, мечтая о мимолетном мгновении тишины. Да и погода не оставляла страннику выбора: от приятного тепла и лучей ласкового солнца, в которых наш герой только что нежился, не осталось и воспоминания. Дул холодный ветер, порывы которого кричали в уши, предупреждая, что с каждым часом ночи, с каждой новой звездой на небе природа будет все беспощадней; если случайный гость не укроется под крышей, кровь в его жилах замерзнет и, возможно, никогда больше не запульсирует фонтаном жизни.

Прошло несколько минут; глаза Тэкеши начали постепенно привыкать, они как голодный крестьянин на пиру в императорском дворце выхватывали из когтей темноты все больше предметов, и придвигали к себе, словно блюда с аппетитной едой, которой до этого были лишены. Все это было настолько необычно, что в войне даже проснулся азарт, вот уже различимы очертания низенького стола, который находится в двух метрах от... Что же это? Горшок! Определенно, это большой горшок, и Тэкеши был готов поклясться своим мечом, что он смог разглядеть листья, пожелтевшие и до конца высохшие. Когда-то давно тут росло крепкое и сочное растение. А вот из черноты показался угол шкафа, нужно лишь немного подождать, пока громила осмелится выйти целиком. Так необычная пустая комната, напоминавшая темное ущелье, в которое заглядываешь и не видишь абсолютно ничего, постепенно наполнилась обычной мебелью.

Чернота ушла, ее работа тут сделана, оставив за собой тусклый свет, непонятно откуда исходящий, которого хватало исключительно на то, чтобы распознать очертания, но цвета, рельеф и текстура были по-прежнему недоступны путнику. Пустота в голове тоже постепенно начала заполняться: Тэкеши вспомнил все, что с ним случилось до этого. Гробовая тишина нарушилась. В доме все осталось как прежде, и на улице мало что изменилось.

В голове Тэкеши проснулись все мысли, которые дремали, пока он спасал мебель из лап темноты. Но и они все затерялись в красном пламени, заполнившем все его сознание – Тэкеши попытался встать, опрометчиво решив, что раны в его плече ему это позволят. Да, стоило, наверное, обработать их перед тем, как он ложился на грязный пол в незнакомом доме. Что же, делать нечего. Зажмурившись, стиснув зубы, самурай сделал резкое движение. Боль пронзила тело вновь, закрытые глаза не спасли от вспышки огненного цвета, словно выжженной на внутренней стороне век. Ничего, нужно просто перетерпеть, но как же неумолимо долго тянется время! Лишь когда направляемый острыми иглами, словно окружавшими его, заставляющими содрогаться от каждого движения, раненый добрался до стены и оперся на нее, алое пламя стало розовым, позволив вновь увидеть комнату, которую герой с таким трудом восстановил из темноты. Шаг. Снова пламя. Другой. Все повторилось. Так герой добрался до дверного проема. Постепенно, организм привык

и научился не замечать боли. Отлично, теперь пора заняться раной всерьез.

Подойдя к зеркалу, мутному и грязному, сняв слой пыли, что позволило хоть отдаленно увидеть свое отражение, Тэкеши стал аккуратно расшнуровывать свои доспехи. Взглянув в круглое окошко, которое оставили его руки на зеркале, протирая его, он увидел себя, стоявшего в некогда белой с легким чайным оттенком рубахе. Да, сейчас белым, пожалуй, был только правый край, остальное же представляло собой все возможные оттенки красного, от самого темного, в месте соприкосновения с плотью, похожего уже на черный, до светлого, едва уловимого.

Раненый воин сделал глубокий вдох и тесно сжал зубы, когда ткань, которая за сутки покрылась коркой крови, запекшейся под темным металлом брони за прошедший солнечный день, отходила от ран. Теперь из металлической рамы зеркала на Тэкеши смотрел изнуренный мужчина; мышцы, некогда украшавшие его тело, теперь не просматривались за густой краснотой. Над лопаткой зияла отвратительная дыра, края которой разверзлись так, что у плоти не было возможности даже схватиться, не то что срастись. Да, тот верзила был силен, раз пробил его доспех.

Трава была холодной, но приятно ласкала голые стопы. В доме не оказалось воды; неудивительно, похоже в него никто не заходил годами. Тэкеши смутно помнит, но, кажется, вчера ночью, проходя по дороге, он слышал всплески.

Вода в озере была не такой синей, как во вчерашней речке, тут она была зеленоватой: холмы, возвышавшиеся стеной, не дающие чужому взгляду обнаружить это место, отражались в ровной глади воды, на которой изредка появлялась рябь от утреннего ветерка, доносившего приятный запах цветов с того берега. Оставив всю одежду на берегу, воин сделал неуверенный шаг. Остывшая за ночь вода, как только коснулась большого пальца ноги, словно в одно мгновение добралась до сердца и своей цепкой рукой сдавила его, не давая возможности биться. Все мускулы в теле Тэкеши напряглись, вызывая судорогу от макушки до того самого злосчастного большого пальца, который предал своего хозяина и первым коснулся воды. Только когда самурай погрузился с головой в воду, он почувствовал спокойствие. Розовое пятно обняло его и ширилось вокруг, высвобождая его светлую кожу. Парой мгновений спустя пятно скрылось на глубине, оставив белую точку посреди озера.

Тэкеши поддался могучей силе воды, которая старалась вытолкнуть незваного гостя на поверхность. Распластав руки и ноги, сделав глубокий вдох, мужчина закрыл глаза и погрузил голову в воду так, что над кромкой воды виднелось лишь лицо. Грудь, полная воздуха, как льдина плавала по изумрудному озеру. Раньше этот бесстрашный воин всегда оборачивался, проверяя, не украл ли кто оставленные на берегу вещи, но только не здесь. Быть может, дело в том, что сейчас там остались лишь штаны, выданные ему во дворце

господина, а может, ему и вовсе больше вещи не нужны, когда вокруг так хорошо. Одна лишь мысль о материальном несомненно и однозначно в один момент камнем на его шею потянет ко дну: это озеро не простит ему таких мыслей.

Со стороны леса донесся треск веток и шелест сухих листьев. Похоже на крупную птицу или мелкую лисицу. Мир вокруг неожиданно наполнился звуками, как будто кто-то поднял купол, накрывавший это озеро, и шум со всей округи собрался в пчелиный рой и витает вокруг, не давая вновь услышать сказочную тишину, которая громче любых мыслей. Еще пару часов и солнце окажется в зените, а дел еще много. Тэкеши знал, что стоит ему выйти из воды, как раны и боль снова вернуться, на этот раз стоит оказать им внимание.

Солнечный свет струился через проем; без труда уже можно было видеть абсолютно все предметы, находящиеся в комнате. Пройдя немного дальше, самурай обнаружил большую кровать, стоящую у стены. По правую сторону от изголовья были огромные окна, позволяющие хоть небольшому количеству света просочиться внутрь дома, темного и мрачного со стороны улицы, будто хранящего траур. Пыль витала в воздухе, можно было различить отдельные мелкие частички, бесцельно кружащиеся в пространстве, гонимые еле заметными потоками ветра; в этом месте свет буквально можно было увидеть, словно некий художник набрал его на кисть и смело махнул ею прямо по воздуху, вырисовывая лучи.

У изголовья кровати был платяной шкаф, большой, вну-

шительный, наверняка хозяйка гордилась им и не упускала возможность похвалиться таким красавцем перед гостями. Внутри аккуратной рукой было сложено множество тряпочек разных цветов: женщина, жившая тут раньше, определенно любила хорошо выглядеть и переодевалась при любом подходящем случае. Красный лоскут ткани отлетел в другой край комнаты – платье с золотыми цветами, которое явно носили в самые торжественные минуты. Синяя тряпочка отправилась в угол – похоже, в этом она ходила каждый день. Вот и объект поисков – белый хлопковый дзюбан⁶. Треск рвущихся нитей раздался по всему дому. Еще. И еще. Тэкеши держал в руках полосы чистой ткани, которые раньше висели на теле хозяйки, храня его в ответственные моменты, теперь они послужат и ему. Ей они точно уже не пригодятся, что бы здесь ни случилось, эта женщина вряд ли теперь выйдет в свет в одном из своих прекрасных нарядов. Полностью замотав торс, стянутый как корсетом, раненый воин почувствовал, что на первое время, пока его кожа и плоть изрезаны и подвержены опасности, это сможет его защитить. Теперь движения не вызывали такую боль, и, в конце концов, это не первое его ранение, и уж точно не последнее.

Похоже, самое время осмотреться. Голова самурая стала совсем ясной, и он смог увидеть вокруг себя просторный, красивый дом. Все было покрыто слоем пыли, свидетель-

⁶ Дзюбан – нижняя одежда в средневековой Японии, которую надевали на тело, прежде чем облачиться в основной наряд.

ствуящем об отсутствии хозяев, однако грязным назвать его было трудно: все было на своих местах, все было очень аккуратно, нет ни единой вещи, которая лежала бы как-то криво. Доски скрипели под ногами, создавалось впечатление, что этот дом стонет, и каждый шаг, который делал путник, для старой постройки был тяжелым испытанием. Бывали участки на полу, которые заставляли жилище петь очень прерывисто и тихо, а были и такие, которые подобно клавише на фортепиано, заставляющей инструмент залиться мелодичными звуками, вызывали громкий скрежет, и чем сильнее проседал пол под ногой, тем дольше и увереннее страдал дом. И вот, наконец-то тишина, Тэкеши стоит и думает:

А было ли вообще что-то? Может мне показалось? Я все выдумал?

Но только нога поднимается хоть самую малость, переносит хотя бы грамм от веса всего тела, как доски снова начинают выть, наполняя этим теплым звуком, в котором хранится история, все вокруг.

Светлое дерево преобладало в интерьере, стены, пол, оконные рамы, и лишь в некоторых местах появлялись темно-бордовые акценты, демонстрируя изысканный вкус архитекторов. Тэкеши не сразу обратил внимание на то, что в этом доме насторожило бы любого крестьянина: обычно, такие здания представляли собой одну большую комнату под крышей, может быть с парой перегородок. Здесь же хозяева решили все разгородить на несколько комнат, сделав этот

простой и невзрачный снаружи дом, внутри похожим на жилище богатого вельможи. Все помещения были просторными: минимум мебели и яркость ясного дня. Как бы грязь на окне не пыталась задержать свет, все же, через такие огромные окна, высившиеся от пола до потолка, достаточно солнечных солдат проходило на защиту этого дома от всепоглощающей черноты.

Похоже, за этой дверью находится кабинет главы семейства. Как часто он сидел тут за работой? Может он просто прятался тут от жены в поисках одиночества, чтобы побыть наедине со своими мыслями, которые предательски разбегаются при виде кого-то постороннего, как толпа юных девушек утром на реке во время купания, заметив рыбака, направляющегося в их сторону. А может в этом доме жил важный человек, который несмотря на изолированность места от центральной Японии, занимался особо приоритетными делами государства, прячась от невежественных соседей, которых волнует только фермы да местные склоки, тут, в его последней цитадели спокойствия государственного чиновника. Хотя не исключено, что он был обычным работягой, который просто иногда закрывался в своем кабинете, чтобы спокойно поработать.

Тэкеши перешагнул порог и сразу почувствовал, с каким трепетом хозяин относился к этому месту. Никогда мы не узнаем, что конкретно происходило в данной комнате, но мы невольно сами заражаемся благоговением перед тихой колы-

белью, в которую мужчина переносил всю свою жизнь, подобно птице весной, собирающей все, что плохо лежит, чтобы обустроить свое гнездо. Гость вдруг неожиданно для себя понял, что маленький порожек стал самым большим препятствием, выше гор, растущих вокруг этого дома, шире моря, которое он пересек, чтобы очутиться здесь. Кажется, будто он уснул и проснулся в чьем-то сне, даже не в своем. Пускай человека, который был господином этого места уже скорее всего нет на этом свете, воин осознал вдруг, что определенно находится у него в гостях. Еще две минуты назад он швырял и рвал одежду женщины, которая также жила в этом доме, он ночевал как у себя, не потому что был уверен, что тут никого нет, а потому что ему было все равно, он был слишком усталым, чтобы думать об этом. Но сейчас он остро чувствовал, что не может сделать и шага дальше, пока хозяин не скажет ему тихим голосом: «Проходи, путник, но ничего тут не трогай». Тэкеши знает, что это уже не тот дом, в котором он проснулся сегодня утром во мраке; дом стоит вокруг этой комнаты, но сама комната – это уже совсем другие владения.

Перед окном стоял стол, с пыльной подушечкой перед ним. Аккуратно сложенные бумаги лежали ровно на уголке. Подув на листы, гость высвободил из-под сугробов пыли аккуратные иероглифы, оставленные человеком, который, судя по уверенному почерку, писал всю свою осознанную жизнь.

Хадзи. Жизнь в Кайо

Рука Тэкеши потянулась, чтобы сорвать веревку с названием, перевязывающую стопку, но он замер. Не смог. Пальцы ловко развязали узелок и сняли оковы с этого источника неведанного знания. А вдруг листы пустые и это злая шутка? Нет, вот уже чернила от маленьких символов, написанных на оборотной стороне, проступают. Тэкеши сел на подушечку перед столом и начал читать.

...сегодня на рынке Йоши опять продала мне рыбу с гнилым хвостом! Какой же я пройдоха. Как всегда, уболтала. До чего все-таки приятная женщина. Мы с ней видимся, исключительно когда прихожу за рыбой несколько раз в неделю, и на ежемесячных собраниях, но она действительно интересуется, как моя жизнь и хорошо ли я позавтракал. Мои ответы почти всегда одинаковые, какой бы вопрос она не задала, поэтому и с ее стороны разнообразия я не встречаю, но черт возьми, как же приятно порой выйти из четырех стен и пройтись по этим уютным улочкам. Кайо очень маленький, сколько здесь живу, так и не понял, то ли это городок меньше обычного, то ли деревня крупнее других. Вроде как и был тут вассал когда-то, но никто так толком мне и не смог этого объяснить. Такое ощущение, что в Эдо об этом месте не знают, или не хотят знать. Что с них поиметь? Клочок земли под холмом...

Тэкеши показалось, что он даже увидел, как фигура невы-

сокого мужчины в сером халате и синем поясе, в льняных широких штанах, аккуратно подвязанных у щиколоток, села перед столом и, придерживая правый рукав, склонилась над кипой бумаг. В глазах Тэкеши заплясали и закружились иероглифы, которые спрыгивали с кисти и пускались в пляс. Потом, когда их набралось достаточное количество, они все собрались в ровную колонну и ровным строем пошли к концу страницы. Вокруг висела тишина, окружившая творца, не пуская посторонние отвлекающие звуки в его владения. Сам не зная почему, Тэкеши искренне поверил, что даже за звук собственного сердца он удостоится сурового взгляда, который вместо тысячи слов говорит о необходимости соблюдать правила, которые написаны этим автором невидимыми чернилами прямо в воздухе; он почему-то в миг почувствовал себя мальчишкой, который докучает своему отцу, пока тот занят. Поэтому самурай сел покорно и в полной тишине стал наблюдать через плечо, что же пишет этот загадочный мужчина.

...нет, ну это просто невозможно! Сегодня опять пытался писать на природе. Просто невыносимо сидеть в такие жаркие дни тут, в этой коробке, но ох уж эти дети. Хокари и Кадзицу сначала носились и кричали, а потом и вовсе начали спрашивать меня о самураях. И зачем я только ляпнул, что знал одного... Такие славные ребята, хотел бы я и сейчас иметь такую же тягу к знаниям. Опять

не написал ни единой страницы. Чертята буквально допрос устроили! Их даже не смущали мои скупые ответы. Каким же огнем горели их глаза. Пожалуй, это все же дороже моей писанины...

Тут господин Хадзи встал из-за стола и направился к комоду в противоположном конце комнаты. Он прошел мимо гостя, который в напряжении замер, словно подглядывая за жизнью хозяина кабинета. На деревянной поверхности стояла ваза с прекрасными цветами, Тэкеши никогда таких не видел, аромат от них должен погружать весь дом в сладостное расслабление и дурманить разум. Если бы такой букет стоял у его кровати, скорее всего, он не проснулся бы никогда в жизни.

...Нана-сан⁷ удивительная женщина. Осума всего лишь упомянула, что любит камелию, и на следующий же день эта добрейшая госпожа к нашему обычному заказу добавила этот огромный букет. Где только она его раздобыла, я почему-то не видел ни одного подобного цветка в этих краях. Осума будет счастлива; я подарю ей его, когда она вернется от Йоши. Поразительно, я не думал, что они так подружатся. Зато теперь, с тех пор как они так тесно сдружились, у нас ни разу не было несвежей рыбы. Одна эта

⁷ Сан – именной суффикс в японском языке, указывающий на социальный статус или отношение к собеседнику.

мысль заставляет меня смеяться. Жена у рыбака такая рассеянная, но для подруги всегда очень тщательно выбирает товар...

У самурая засосало под ложечкой. Перед ним на столе появилось большое блюдо, с которого на него пустыми глазами уставилась запеченная рыба. Отменная рыба! Действительно, сомнений не возникает, что Йоши выбирала для подруги лучший товар. Похоже, что сегодня придется все же выйти из своего нового убежища и пройтись до рынка.

...мы приехали в Кайо девять лет назад, и я на самом деле уже влюблен в это место, несмотря ни на что. Жизнь в Киото не сравнится с этим. Я никогда не любил все эти встречи и почетные приемы. Порой хочется, чтобы тебя никто не видел, никто не пытался заговорить. Просто сидеть и вслушиваться в тишину. Но ладно, хватит мне уже быть таким снобом, не буду лукавить, жители Кайо порой для меня были куда ценней, нежели природа. Эти удивительные люди помогли мне понять, в чем истинная красота жизни. Каждый житель этого города – уголек, от которого разгорается огонь в моей душе. Как жаль, что я не могу...

Следующей страницы нет. Тэкеши еще раз осмотрел стопку. Да, точно, этот лист последний. Может завалился куда? Посмотрим под шкафом. Удача, белый уголок, как плохо

обученный солдат, который сдал весь отряд, торчал из-под деревянной двери платяного гиганта. Любопытный гость, поставивший себе задачу познать всю мудрость, оставленную хозяином этого удивительного места, наклонился за последней страницей рассказа об удивительном месте.

Дорогой друг, извини, что узнаешь об этом вот так.

Стоп, это определенно не продолжение. Это... письмо?

Соблазн был слишком велик, сердце героя ускорило, ладони немного вспотели. Он чувствовал, будто ему сейчас четырнадцать, и он заглянет в комнату к наложницам и увидит нечто, чего видеть не должен; чувство детского стыда охватило его, но он не смог себя пересилить и заглянул в чужую переписку. Он нарушил приватность гостеприимного хозяина, но в душе знал: этот мужчина, господин самого крайнего дома, неподалеку от леса, совершенно не против того, чтобы его глаза пробежались по строкам, которые когда-то старательно выводила его твердая рука. Тэкеши чувствовал, что он и есть тот самый «Дорогой друг», ведь только что он узнал о всех радостях, которые наполняли жизнь Хадзи-сана.

Дорогой друг,

Извини, что узнаешь об этом вот так. До последнего я надеялся, что смогу справиться с этим сам, похоже я себя переоценил. Это письмо – не прощание. Это благодарность. Я хочу, чтобы ты знал: ближе тебя для нас с Осумой в этом чудесном месте не было никого! Спасибо за твою помощь в

постройке этого прекрасного дома. Это шедевр. Сердце разрывается от необходимости покидать вас, но выбора нет. Ты главное верь в нашу скорую встречу. Ничего не могу обещать, но как может быть иначе? Осума всегда говорит: «Жизнь еще порадует тебя, главное верить!» И я никогда не унываю из-за этого, и тебе не разрешаю! Ведь что бы то ни было, ты не один, вы все вместе, береги это. Я знаю, что мог показаться невежливым сначала, такой уж я человек. Я знаю, что ты не обижаешься, просто не мог этого не сказать, хоть и прошло уже девять лет, я просто сложно нахожу общий язык с людьми, моя стихия – это природа. С людьми могу общаться только пером по бумаге.

Я помню свое обещание, однажды, я напишу о тебе книгу, мир должен узнать о тебе!

Если ты читаешь это письмо, значит я уже покинул свой дом, не могу пока рассказать тебе свой план, но при встрече ты узнаешь.

Однажды ты все узнаешь!

До встречи, Твой «просто Хадзи»

Ну что же, тайна раскрыта! Тэкеши даже разочаровался. Он почувствовал себя охотником, который выслеживал лисицу всю ночь, потому что та оказалась на удивление умной, вечно ускользала, будто и не животное вовсе, а в конечном итоге добыча оказалась выдумкой. Он так включился в истории этого загадочного жителя, который описывает рай

на Земле, а потом просто уезжает из-за каких-то своих проблем. Самурай был уверен, что он бы ни за что не оставил это место, даже если бы вся его жизнь превратилась бы в бездонное ущелье, в котором ему необходимо добраться от одного края до другого. Что же, эти рассказы действительно оказались шуткой... Затянувшейся шуткой, потому что прошло уже около трех часов, желудок одинокого воина не просто требовал еды, он заявлял в полной уверенности, что если тот не добудет пищи в ближайшее время и не насытит его подобно тому, как люди древности приносили в жертву богам домашний скот, он объявит ему войну, а сегодня утром Тэкеши уже выяснил, что с собственным организмом воевать весьма трудно.

Солнце уже миновало свой пик и сейчас было на полпути к горизонту, поэтому стоило поторопиться. Заглянув в шкаф к этому писателю, он обнаружил там подходящие широкие штаны, накинул сверху халат темно-зеленого цвета, подпоясался и заткнул мешочек с мелочью. На первое время ему должно хватить этих сбережений, но дальше надо будет придумать, как освоиться на новом месте. Какая подходящая шляпа. Подобная амигаса была у крестьян при дворе его господина, а теперь вот он сам выглядит как они. Сказал бы кто-нибудь ему об этом года два назад, ответил за такие дерзкие шутки, а сейчас... Можно сказать, что ронин даже чувствует облегчение, надев вместо шлема широкополую соломенную шляпу.

Свежий воздух ударил Тэкеши прямо в ноздри, это был невероятно приятный и успокаивающий запах свежести с прохладным ветром, струящимся ему по лицу и умывающим тело в широких хлопковых одеяниях. При свете дня путник увидел город, который еще вчера показался ему парой огоньков. Действительно, может для города это место маловато, но и для деревни слишком велико.

Шагая по заросшей травой дороге, странник резко остановился.

Если ты читаешь это письмо, значит я уже покинул свой дом...

Но письмо ведь не отправлено...

Глава 3. В тени соломенной шляпы

*Защелкнуты окна,
Закртыты все двери,
Но ты не поймешь,
Пока не проверишь.*

Длинная тень Тэкеши гордо вышагивала перед ним, будто бы торопилась в город сильнее него; будто бы это ее желудок разрывался от голода. Как бы герой ни ускорял шаг, этот длинноногий вытянутый близнец увеличивал скорость вместе с ним.

Свысока Кайо был безумно красивым. Высокие горы, покрытые зеленью деревьев, возвышались плечом к плечу, словно два родителя, которые встали перед лицом опасности, чтобы защитить свою малютку – славный городок, притаившийся у подножия. Он чем-то напомнил Тэкеши лужу, через которую посреди спокойного тихого дня на всей скорости проехала телега, расплескав множество брызг во все стороны. Вот центр, в котором скопилось много домиков, которые почти наслаиваются друг на друга, местами они даже срослись стенками. А отдаляясь и залезая на спины холмов их становится все меньше и меньше; каменные дорожки постепенно превращаются песчаными. Именно по такой и шагала самурай сейчас, направляясь в густой рой деревян-

ных домишек, которые не смогли подняться вверх, поэтому все также сидят в низине, собравшись в один большой ком.

Тэкеши поравнялся с первым домом, отсюда дорога стала каменной. Он был невысокими, с темной крышей, углы которой устремились к небу. Вокруг росли кусты с прелестными цветочками, за которыми очевидно ухаживают с особой любовью и трепетом. Стены дома были приятного древесного цвета, а у самого основания лежали обломки черепицы: видно давно никто не ремонтировал тут ничего. Хозяев, судя по всему, не было на месте, потому что на лужайке справа от входа отчетливо виднелись следы от колес, скорее всего, обычно тут стоит телега, с которой жильцы уехали в город.

А вот сразу три домика стоят в одном месте, два выглядят довольно старыми, но самый крайний построен не больше пяти лет назад. Краска на двери еще не отколупалась, а ступеньки имеют четкие каменные углы, не сглаженные временем и постоянными шагами. Позади виднеется поле приличных размеров, бережно вспаханное и засеянное. Некоторые побеги уже появились из-под черных комьев земли и сейчас тянут свои молодые головки к солнцу, довольные и беззаботные. Похоже многие местные выращивают пищу самостоятельно, живя в гармонии с окружающим миром.

Когда Тэкеши вошел в город, он обратил внимание на ухоженность улочек и опрятность домов. Люди живут тут небогатые, но аккуратные, поэтому и жилища у них выглядят очень мило и уютно. В теплых солнечных лучах преобладают

желтый и песочный цвета, а темные крыши вносили в пейзаж контрастность.

Некоторые дома были двухэтажными, и такой рельеф добавлял индивидуальности каждому строению. Старые доски, из которых были собраны стены, местами покрылись пятнами, будто бы это веснушки. Легкий приятный ветер шелестел листвой под ногами, иногда вздымая отдельные песчинки ввысь, заставляя прохожих отворачиваться и морщиться. И какой-нибудь листочек завертелся в вихре, словно заливаясь смехом и демонстрируя свою свободу. Тэкеши остановился у дома, который показался ему старше остальных. Похоже, этот великан был одним из тех, кто стоял у истоков городка. Трудно сказать, какого цвета он был изначально, но сейчас дом темно-серый, с немного покосившейся стеной. Окна, как пустые глазницы, уставились перед собой, будто нарочно стараясь ничего не замечать. Этот дом как усталый старик – ему уже все равно что происходит вокруг, он знает, что ему не угнаться за молодыми мальчишками, так и зачем тогда пытаться, если можно посвятить себя тихим размышлениям и воспоминаниям о былой жизни. У входа висел желтый тётин⁸, блестящие кисточки которого колыхались, покорно поддаваясь ветру. Тут у многих домов висят такие, и вечерами кажется, будто это звезды спустились с небесного купола и заглядывают в окна, в надежде увидеть еще больше

⁸ Тётин – японский фонарь, представляющий собой цилиндрический абажур, внутри которого горел масляный фитиль.

огоньков. Теплый свет от них окрашивает стены домов, выхватывая отдельные фигуры. Люди, проходящие мимо, скидывают покров ночи, окрашиваясь из синего в янтарный, заходя в теплую сферу света, исходящую от яркого шарика под крышей, и снова накидывают на себя, попадая в неосвещенную часть улицы. Сейчас же, когда на небе еще нет и намека на закат, эти бумажные шары просто висят, украшая фасады домов, слово персики в саду из древних легенд, где существует вечная молодость и нескончаемое счастье⁹. Эти персики висят, грея все вокруг своими румяными бочками. Огромные окна домов, выстроенных в ряд по улице бликуют на солнце слепя прохожих, заставляют всех опускать голову в пол, будто бы смущая, где из щелок между камнями на дороге проглядывала трава, как бы напоминая, что изначально это ее место, и никакое появление дороги не помешает ей расти как обычно.

Тэкеши шел, заглядывая в лица людей, пытаюсь понять человеческую природу. У всех на лицах были следы времени и тех событий, которые они пережили. Вот мужчина, не старше тридцати пяти лет, но каждый седеющий волосок на его голове напоминает о тяжелых днях и том, что молодость не вернется никогда. А ссадина на носу этого мальчишки так и кричит всем вокруг, что его мать ночами не спит и еще немало слез прольет из-за этого шалопаю. А эта девушка идет

⁹ В Японии и Китае персиковое дерево очень почитается, поэтому с ними связаны очень много легенд и мифов.

с книгой, опустив глаза себе под ноги, лишь изредка бегло их поднимая. В эти короткие секунды удается разглядеть их чистоту и наивность, скорее всего, она еще не была с мужчиной и пока лишь мечтает о настоящей любви, а семья пытается воспитать ее хорошей женой, не желая слышать о детских грезах.

Самураю нравилось читать жизни людей, используя лица как главы, где каждая морщинка – это иероглиф. Он видел, что его фигура вызывает любопытство горожан, и ему особенно нравилось, что достаточно на несколько миллиметров склонить подбородок, и его лицо скроется за широким диском шляпы, закрыв книгу, не позволяя прохожим себя прочесть.

Тихий человек, способный ждать, способный слушать и наблюдать, может обрести мудрость, недоступную другим, лежащую при этом на поверхности. Тэкеши давно убедился для себя, что наши собственные желания мешают нам понять истину. Все мы гонимся за мнимыми победами, мимолетными моментами радости, а в конце остаемся несчастными. Только человек, который потерял все, которому нет нужды ни за чем гнаться, сможет увидеть людей такими, какие они на самом деле есть. Ничто не будет туманить его разум, он станет невосприимчив к обману. Он научится заглядывать за маски, которые люди ему демонстрируют. Это может показаться вторжением в чужую жизнь, как раскопка могилы, оскверняющая имя умершего, потому что это не

оставляет людям возможности казаться теми, кем им хочется быть. Это лишает их всяческих секретов, оставляя абсолютно нагими перед человеком, познавшим эту мудрость, который без труда теперь видит все их неидеальные линии. Да, это жестоко, но нельзя размениваться на жалость, это такое же чувство, которое мешает мыслить здраво. Все мы алчны и корыстны, никто не упустит возможности возвыситься себя за счет кого-то, кто слабее, пускай и пряча это за добродетелью. Нельзя позволить себе потерять ясность ума, потому что это неминуемо приведет к обману, к тому, что кто-то вовлечет тебя в свою игру и заставит подчиняться своим правилам. Вот, что ронин понял за свою жизнь. Он видит людей насквозь, он видит их как пустые носители информации и знает, что эта информация дает ему власть над ними. Нельзя подпустить хоть кого-то так близко к себе. Пусть эти люди пытаются заглянуть в его лицо, пусть изгибаются, пытаясь увидеть, что под шляпой, они все равно не увидят ничего кроме японского мужчины, тридцати лет, с еле заметными морщинками в уголках глаз. Он для них призрак.

Так продвигался Тэкеши вглубь города, сопровождаемый любопытными взглядами, оставляя за собой длинный след шепота.

– Кто это?

– Да кто ж его знает! Еще вчера его не было.

– Надеюсь, он у нас проездом.

Тэкеши остановился у фонтана, находящегося в центре

небольшой площади, тут людей было больше, чем прежде. Некоторые, позабыв о чувстве такта вовсе, остановились и не отворачиваясь смотрели на незнакомца. Вот какой-то престарелый горожанин показал на него пальцем и что-то спросил у проходящей мимо женщины. Воин вдруг почувствовал себя единственным человеком на Земле, окруженным хищниками. Почему они так смотрят на него? Считают недостойным жить? Нет. Это страх. Он знает, что они его боятся. И они это знают. От того и боятся... Вода в фонтане журчала размеренно и приятно. Он смотрел на это и понимал, что люди вокруг не значат абсолютно ничего. Они не имеют той мудрости, которую познал он, и как аборигены скачут вокруг него, не понимая, что такое он есть.

– Что ты тут встал?! А ну отойди! – скрипучий голос старухи нарушил его спокойствие, которое он смог отыскать в самом центре балагана. – Ты не слышишь меня?!

Он обернулся и увидел крупную пожилую женщину, одетую достаточно невзрачно, но судя по яркому поясу, аккуратно подвязанному под грудью, она была уверена в своем чувстве стиля. Вокруг было достаточно места, чтобы она немного изменила свой маршрут и обошла Тэкеши, но, видимо, местные наотрез отказываются принимать все новое. Им не хватит смелости изменить свою жизнь, поэтому любое отличие сегодняшнего дня от вчерашнего вызывает у них серьезные беспокойства. Понимая это, Тэкеши сделал шаг в сторону и отвернулся, не желая больше принимать участия в

жизни этой женщины. Порой люди готовы довольствоваться малым, иногда даже призрачным ощущением спокойствия, только бы не рисковать и не потерять все. Что же, такие личности никогда не будут несчастны, равно как и не познают счастья.

– И откуда только ты такой тут взялся! Пришел, и почему-то решил, что...

На поверхности воды росли белые кувшинки. Аромат этих цветов, перебиваемый запахами города, ласкал нос героя. Он понимал, что больше никто не слышит этих тонких ноток нежности, они слишком заняты: в город приехал человек, как же можно не выйти посмотреть на эдакое чудо?!

Тэкеши пошел в сторону рынка. Он так и не раздобыл еды. Крохотная точка в паутине улиц и зданий. Он ходит и изучает. Сейчас их тут трое: он, город, и масса из жителей, которая перетекает по переулкам, обеспечивая каждый его шаг жужжанием сплетен и пересудов. Сам Кайо в свою очередь хранит гробовое молчание, его мрачные крыши придают ему строгости. Тэкеши услышал в этом молчании сожаление: «Прости, что поделать: я не выбирал себе горожан». Люди, как паразиты на его теле: копошатся постоянно и пытаются выжать все больше соков. Они не думают о нем, это для них неважно, просто пространство для жизни. Однако, хоть этот мрачный гигант молчит и все прощает, он все помнит. Город хранит все в себе, эта история питает его и поддерживает жизнь. Он наблюдает и часто грустит, потому что

видит, как люди меняются, видит все их ошибки, но хранит все секреты, как любящие родители, делающие все, что в их силах, правильное и неправильное ради детей, какими бы они не были. Они же, как и полагается всем несносным детям, не задумываются о своих родителях, до тех пор, пока они рядом.

По запаху жареной рыбы, Тэкеши понял, что дошел до места назначения, а даже если и нет, его нечеловеческий голод, рвущий на куски все нутро, просто не позволил бы сделать ему и шаг в сторону от этого аромата. Это был идзакая¹⁰. Внутри было мало света, сухо и душно, крохотная девушка кружилась с тарелками между столов, за которыми на коленях сидели посетители. Когда один из них заметил голодного самурая, он что-то буркнул себе под нос, и его сосед засмеялся. Неважно, наш герой был очень голоден, поэтому проследовал на свободное место и даже не замечал, что люди начали пересаживаться за окружавшие его столы, чтобы получше рассмотреть чужака.

Блюдо с зажаренной рыбой пахло дымком, невозможно было терпеть. Тэкеши накинулся на него как дикарь, и не было больше в его голове ничего, прежде тревожившего.

Молодой парнишка, только вступивший, судя по всему, во взрослую жизнь, встал из-за своего стола и направился в центр зала. Длинные волосы струились по его плечам, концами прикрывая лопатки; широкие плечи, которые, скорее все-

¹⁰ Идзакая – питейное заведение в Японии

го, позволяли ему обеспечить семью добросовестно вспахан-ными полями, были расправлены; глаза юноши сверкали, демонстрируя решимость, несколько рюмок sake¹¹ явно придали ему уверенности. Хоть над верхней губой его лишь недавно появились тонкие темные волоски, воспитанный суровым фермером, этот ребенок стал взрослым задолго до этого.

– Мы с Тэмико решили пожениться!

Одобрительный гул прокатился по комнате, пара жидких хлопков продолжилась аплодисментами, точно гром во время грозы раскатисто разносится по небу, с небольшой задержкой после вспышки, сперва неуверенные удары по металлическому гонгу, а после невидимый небесный барабанщик разогнался и его было уже не остановить, все небо сотрясалось, как и сейчас идзакая.

– Мои родители наконец-то дали добро! Спасибо всем вам, что помогли в этом, сегодня я угощаю!

Радостный гул уже превратился в неприкрытые крики, все присутствующие явно были весьма довольны.

Из-за двери, ведущей на кухню, вышел высокий тощий мужчина и вынес на стол много рюмок, их было сложно пересчитать. На лице новоиспеченного жениха даже мелькнул испуг, видимо, в его голове происходили расчеты, с какой суммой денег ему придется расстаться, но все же, радостное событие все перекрыло, и он снова отправился к шумным друзьям.

¹¹ Саке – один из традиционных японских алкогольных напитков.

Краем глаза Тэкеши заметил, что в считанные секунды на углу каждого стола материализовалась рюмка с напитком, который так скоро осчастливил всех присутствующих. А вот официант проходит мимо его стола, но тот как был пустым, таковым и остался. Похоже, в этом городе не особо жалуют незнакомцев, можно было и раньше это понять. Город оказался куда менее гостеприимным, чем он себе представлял. Одно радует: кажется, теперь все наконец забыли о нем и отвлеклись на празднование будущей свадьбы. Можно воспользоваться моментом и ускользнуть так, чтобы никто не заметил, не увязался следом, и устремиться в свое спасительное убежище на краю города. Старый дом теперь воспринимается как укрытие не от холода, а от чужого любопытства и недоверия.

А за дверью его встретила в свои объятия темнота. Похоже, время пролетело незаметно. Ночной Кайю похож на брата-близнеца того города, что он видел несколькими часами ранее. Этот был точно таким же, но только не прощал ничего. Когда все накрывалось полотном черноты, темный близнец начинал мстить за свою кроткую копию. Ночью никто ничего не видит. Ночью люди теряют контроль над этой территорией. Поэтому они все судорожно разбегаются по своим домишкам, зажигают свечи, чтобы хоть как-то отгородиться от темноты и пытаются пережить ее, чтобы на следующий день снова высыпать на улицы тихого и спокойного Кайю.

Тэкеши направился медленным шагом по прямой улице,

которая практически опустела. Несколько бесцельно слонявшихся прохожих даже не смотрят на него: ночью мы все равны, еле отличимые от своих теней. Теплые шарики тётингов указывали ему направление, устремляясь ниточкой, окаймляющей дорогу, вперед, где в конце они почти смыкались. Сложно сказать, каким был этот город: он будто бы в сотни раз больше, потому что исчезли все дома, оставив только синеватые туманные очертания, почти сливающиеся с небом. Вокруг Тэкеши было бескрайнее пространство, на котором он мог представить все что угодно. В то же самое время, город стал до безумного крохотным: не видно ничего, улицы растворились, от них остались лишь желтые точки, летающие будто бы сами по себе в воздухе. Маленькие островки тусклого света – вот что осталось от Кайю. Вокруг была только чернота, отсутствие чего-либо. Города не стало.

Это место теперь выглядит более честным; все люди затаились в своих укрытиях, не притворяясь смелыми, показывая свое настоящее лицо. Когда улицы очистились от сплетен, можно разглядеть настоящую личину этого поселения. Поколения сменяют поколения, но вот эта ночная тишина, без слухов и лицемерия, появляется каждую ночь. Никто не говорит за твоей спиной, боясь высказать все в лицо, никто не показывает на тебя пальцем издали, потому что боится сделать это вблизи, все снимают маски и становятся собой: трусливыми крестьянами.

– Открой эту чертову дверь! – голос был твердым, пол-

ным обиды. Слышалась уверенность, хотя дрожащие нотки скрыть все же не удалось.

Молодая девушка стояла на крыльце одного из старых домов и настойчиво стучала по двери.

– Уходи! Мне нечего тебе сказать. Предупреждаю, уходи по- хорошему, пока я с тобой добра! – донеслось немного приглушенно из глубины дома. Скрипучий голос, должно быть принадлежал пожилой женщине.

– По-хорошему?! Ты никогда ко мне так не относилась!

Подговорила соседей. У тебя сердца нет?

– Дорогая, а чему ты удивляешься? – дверь отворилась и на пороге появилась фигура, закутанная в зеленый халат наскоро накинутый и подвязанный, мятый дзюбан торчал немного на груди.

– ты правда думала, что я закрою на все глаза?

– Да как же ты не понимаешь? У меня ведь ребенок... Твоими стараниями, я не могу даже купить продукты как обычный человек. Нана, ведь ты не злая! Не надо так поступать, – голос девушки дрогнул.

Нана?

...Нана-сан удивительная женщина...

Так это та самая старушка, которая подарила камелии жене писателя?

...эта добрейшая госпожа...

В этом городе все не так. Кажется, Хадзи-сан все придумал, не может, чтобы он описывал тот самый Кайо, в котором

сегодня побывал Тэкеши. Зачем он соврал в своих записях? Зачем шутить над одиноким путником?

– Это будет тебе уроком!

– Я не могла поступить иначе! Ты прекрасно это знаешь!

– Я многое из-за тебя потеряла, считай, что сейчас ты платишь за это! – голос старухи звучал жестко, казалось, в нем не было ни капли жалости к плачущей девушке.

– Но ты вынуждаешь расплачиваться за это и моего ребенка тоже! – отчаявшаяся совсем она схватилась за рукав пожилой женщины и подняла на нее голову. Хоть Нана и была невысокого роста, но сейчас она заняла такую позицию, что смотрела сверху вниз из дверного проема.

– Ничего страшного, не умрет, зато может научиться чему, и, может быть, из нее вырастет что-то более путное...

Тэкеши стало противно. Он резко отвернулся и быстрым шагом отправился прочь. Он не хотел проводить хоть еще секунду в этом месте. Лицемерие и бессердечность вызвали у него отвращение.

Перед глазами застыла картинка: огромный букет камелий, который пожилая Нана протягивала ослепительно улыбаясь, а в голове звучало

...ведь ты не злая...ты вынуждаешь расплачиваться за это моего ребенка...

Ничего страшного, не умрет...

Поскорее бы оказаться в своей «крепости», в которую не проходят все эти человеческие пороки. Она как бы под стек-

лянным куполом, о который они все разбиваются. Хочется обо всем забыть и никогда не выходить за порог.

Глава 4. Воздух, которым тут дышат

*С обрыва в бескрайнее море,
Ну а что же здесь в этом такого?
Познать все секреты простого,
Объять все земные просторы.*

Услышав крик и почувствовав острую боль, Тэкеши резко открыл глаза и оторвался от кровати. Дыхание было таким тяжелым и сбивчивым, что легкие могли бы разорваться, сердце билось, угрожая выломать ребра. Всего лишь дурной сон. Это не реальность. Воин осмотрелся и понял, что сидит на кровати, в просторной светлой комнате. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы взглянуть на город поверх гор, целуя приветливо своими лучами Тэкеши в лицо. Крупные капли пота стекали с лица по шее на быстро вздымающуюся голую грудь. Нужно немного подождать и все нормализуется, кошмары всем снятся время от времени. Спустив ноги на пол, поставив босые ступни на прохладное шершавое дерево, он уставился на них, разум еще не до конца проснулся.

Комната была чистой. Поверхности столов и комодов сбросили свои пыльные шкуры, подобно тому, как змеи из-

бавляются от своей кожи. Показалось крепкое, потемневшее от времени, но все еще сохраняющее свой благородный оттенок и запах дерево. Окна стали пропускать больше света, от чего дом кажется просторнее. Он проснулся после длительное спячки, именно проснулся, не ожил. Он всегда был жив. Комната за закрытой дверью, где на столе лежали рукописи, не давала ему умереть, а просто позволяла ему задремать. Тэкеши убрался, вычистил все до блеска и теперь не без удовольствия смотрел на засиявший дом, который, казалось, сейчас стоял с гордостью и благодарностью.

Самурай уже пятый день в Кайо. Не считая своего первого похода, на рынок ходил всего один раз, чтобы купить продуктов на несколько дней вперед. В принципе, это был ничем не приметный день, если не вспоминать взгляды, с которыми на него все смотрели, будто мужчина забыл накинуть кимоно¹², но к такому он уже привык, это его не отвлекало. После этого можно не возвращаться туда, хотя бы несколько дней, но и это радует. Жители не понравились самураю, поэтому он решил сократить их присутствие в своем мире настолько, насколько это возможно.

Жизнь проходила тихо и спокойно. Дни начинались со светлого потолка, на котором отчетливо виднелся деревянный рельеф, напоминая нам о происхождении крова. Тэке-

¹² . Кимоно – традиционный японский элемент гардероба, представляющий из себя ши- рокий халат с объемными рукавами. Носили кимоно как мужчины, так и женщины.

ши шел на озеро, где в чистой прозрачной воде, избавивший от всего, что было создано рукою человека, становясь первоначально прекрасным, он мог долго лежать, поддаваясь могучей силе водоема. Затем, лежа на траве, устремив глаза в голубое бескрайнее небо, наслаждался теплом, которое ему приносили лучи солнца, подобные миниатюрным девичьим рукам, сейчас нежно его обнимающих. Раны все еще давали о себе знать, но воин старался не беспокоить свое тело, поэтому они начали затягиваться. Вода, словно божественное прикосновение, заставляла их успокаиваться и позволяла Тэкеши не думать о них. Он не мог зайти в воду с повязками, это было бы предательством по отношению к озеру, которое позволяет ему пользоваться своей силой. Несмотря на гармонию и непередаваемо прекрасную атмосферу вокруг, в душе у Тэкеши зверствовала буря. Казалось, что в этом мире просто невозможно думать о чем-то плохом, невозможно грустить или придавать значение чему-то, что не было бы связано с природой, с этим местом. И все же, посторонние мысли терзали воина. Он не знал, что ему делать дальше. Он находится даже не на распутье. Он находится в пространстве, где нет ни верха, ни низа, ни права, ни лева. Перед ним нет вариантов, лишь одиночество и неведение. Он не будет возвращаться домой, его там ничего не держит, у него ничего не осталось, но и тут он не чувствует абсолютного счастья. Тут есть ложь, недоверие и лицемерие. Он понимает, что никогда не станет таким, как эти горожане, он не хочет. Он бу-

дет отшельником, но где? Кроме этого дома, приютившего самурая, как большая мудрая птица, которая поманила его крылом и укрыла за перьями от жестокого и опасного мира, тут у него ничего нет. Спросить у сердца? Он давно начал замечать, что оно становится тише и все реже с ним общается, а последнюю неделю оно и вовсе молчит. Придется разбираться самому. Пожалуй, в этом месте нет ничего плохого, и жизнь на самой окраине, вдали от глаз и пересудов, ему придется по душе. Он устал от постоянных поисков, он устал вечно гнаться за чем-то, потому что сам не знает, чего именно хочет. Или боится себе признаться в том, что знает, и знает, что это невозможно. Тэкеши – тень без прошлого, у него затуманенное будущее, нет цели, а потому ему неважно, где встречать рассветы и провожать закаты, так почему бы не остаться в месте, где хотя бы есть крыша над головой.

Когда солнце, облачившись в алое, став огромным диском цвета раскаленного металла, катится за горы, уничтожая нежно-голубую полоску неба, которая растянулось у него на пути, оставляя за собой кровавый след, наступает время идти домой. Тэкеши одевается, накладывая на кожу ткань, некогда вышедшую из-под человеческих рук. Связь с природой убита: тело сковано и тесно соприкасается с материей, первозданный вид обезображен. Он вернется сюда завтра и вновь соединится с прекрасным миром, а сейчас воин направляется домой, как монах, который добровольно отказывается от всех благ человечества, чтобы познать ценность

бытия и снова радоваться каждому новому дню.

Но на следующий день Тэкеши был вынужден отправиться в город, так как продукты закончились. Это снова поход в обитель лгунов и лицемеров.

Самурай шел по уже знакомой дороге. Его одежда была заметно дороже, чем та, что у проходящих мимо горожан. Из-под кимоно спускались штаны, в то время как у подавляющего большинства халаты открывали голые ноги, порой даже не обутые. Там, где у Тэкеши виднелась нижняя рубашка с белым воротничком, у всех было лишь голое тело. Неудивительно, что он ловит столько взглядов на себе; воин только сейчас осознал, как сильно выделяется из толпы.

Вот он проходит дом Наны: аккуратный, зажатый между двумя другими, побольше и потемнее, он уставился своими глазницами- окнами прямо на Тэкеши. Признаться, от этого становится немного не по себе, особенно, представляя, как из глубины на тебя смотрит сама хозяйка – женщина, которая может казаться очень милой, дарить цветы и ярко улыбаться днем, а ночью она снимает все свои маски и злорадствует, глядя бедной девушке в глаза. Ей все равно на маленького ребенка, на слезы. Ее волнует ее собственный достаток. А вот и хозяйка. Тэкеши увидел пожилую фигуру, разговаривающую с каким-то мужчиной недалеко от своего крыльца. Она бросила на него короткий взгляд и отвернулась, но потом вновь пронзила глазами и осмотрела с ног до головы. На несколько мгновений он уставился на нее, словно

завороженный.

...Нана-сан удивительная женщина...

...это будет тебе уроком!..

...эта добрейшая госпожа...

...ничего страшного, не умрет...

Тэкеши устремил взгляд в сторону и быстро прошел, не оборачиваясь на женщину, которая проследила за ним взглядом. Вряд ли она видела его в тот раз. Сейчас ее любопытство объяснялось тем же, что и у всех остальных: неспособностью принять что-то новое, страх изменений. Или было в ее глазах что-то еще? Это неважно; самурай направился по прямой дороге в сторону рынка.

– Вам очень идет его одежда, – тихий и спокойный голос прозвучал из-за спины воина. Это было очень неожиданно. Обычно, ничего громче шепота ему слышать не приходилось.

Тэкеши обернулся и увидел мужчину средних лет. Одет он был в серое одеяние, ничем не приметное, но куда более аккуратное, чем одежда других прохожих. Голова его была обрита, на плече висела сумка.

– Чья? – сухим голосом спросил самурай, видя, что его собеседник заглядывает ему в глаза. Тот явно не собирался говорить следующую фразу, давая возможность высказаться Тэкеши.

– Хадзи-сана, конечно же. Повезло, что размеры совпали!

Герой стоял в недоумении: он был не готов к тому, что кто-то из местных начнет с ним такой разговор, да еще и демонстрируя осведомленность его жизнью.

– Откуда вам известно...

– Что вы поселились в доме на холме? – незнакомец заливился звонким смехом. – Ну вы же и сами понимаете, не так ли?

Да, Тэкеши все утро разглядывает местных и понял, что живут они небогато, одежда тут в ходу деревенская, без изыщств.

Незнакомец заметил, что герой замялся.

– Хадзи-сан приехал к нам из центральной Японии, у него был утонченный вкус, мы все могли заметить его издалека.

Самураю не очень хотелось продолжать разговор, он пришел сюда не за этим. Напротив, общения с местными он планировал избежать. Хотя стоит заметить, этот человек оказался другим. В нем не было какой-то настороженности. Сколько бы герой не вглядывался, в глазах его не увидел недоверия.

– Что-то я совсем забылся. Меня зовут Камидзу, я служу вон в том храме, – монах указал в сторону пагоды¹³, высившейся за ближайшим домом. Яркая башня, края крыш которой устремились к небу, будто бы руки, сложившиеся в молитве.

¹³ Пагода (в Японии) – многоярусная башня, которая используется как храм.

– Слухи о вас ходили по нашему городку, я хотел увидеться лично: не так часто к нам попадают гости.

– Я спешу. Мне нужно попасть на рынок, – попытался Тэкеши отделаться от монаха, но добавить грубость в голос он не смог, слишком спокойным и вежливым был его собеседник.

– Окажите мне честь, позвольте стать представителем нашего скромного города.

Тэкеши уже намеревался сказать нет, как вдруг слово взял его желудок, который перехватил инициативу и предательски сообщил о своем голоде монаху.

– Ууу, милый друг, что же вы молчите, теперь я просто не могу оставить вас, не угостив обедом. Позвольте, – монах, не дожидаясь ответа, пошел в сторону храма.

Самурай не смог просто уйти, было в Камидзу что-то, чего не было в других местных жителях. Он не врал, ничего не скрывал и не пытался кем-то быть.

Двери храма со скрипом открылись. Внутри была тишина, шаги отдавались эхом.

Монах провел его в небольшую комнату и предложил присесть на подушечку, за невысоким столом. Спустя пару минут он вынес плоску риса.

– Как ваше имя?

Тэкеши не хотел отвечать. Его имя – это не то, чем он готов делиться с первым встречным. Он не желает давать окружающим ключ, которым некогда открывали его мать и отец.

Монах не удивился молчанию. Заметив это, он понял, что имени он не услышит, и поспешил задать следующий вопрос.

– Откуда вы к нам приехали?

– Я приехал издалека.

– Это заметно. Откуда же?

– Эдо.

– Эдо?! Да, далеко. Как же вас занесло к нам в глушь? Вы фермер?

– Нет.

Тэкеши чувствовал, что ему некомфортно. Монах задавал вопросы спокойно и без какого-то умысла, самурай видел это в его глазах. Но все равно, он чувствовал себя не в своей тарелке...

– Ну конечно, стал бы фермер ехать так далеко... Вы самурай, я прав?

– Ронин, – он был удивлен пронизательности Камидзу. Слово «ронин» все еще было неловко произносить вслух, он испытывал стыд.

– Не стыдитесь! Я не считаю вас опозоренным. Этот монах как будто мысли читает...

– Я путешествовал несколько лет назад. Я повидал много людей. Знаете, дни, проведенные в спокойствии и раздумьях, позволяют обрести мудрость. Перестаешь смотреть людям в их маски, а получаешь возможность заглянуть за них. Как нынче в Эдо?

– Это хороший город. Очень много достойных образованных людей.

– Понимаю, образование позволяет улучшать нашу империю. Но вы не думайте, наши люди тоже очень достойные, просто нрав может быть грубоват.

Тэкеши это заметил. Кайо очень сильно отличается от Эдо. Дома у него было очень много богатых господ, у которых служили самураи, такие, как он. Люди жили согласно строгой иерархии. На улицах был порядок. Жителей Эдо мало заботили окружающие: если следить за каждым, жизни не хватит. Это не сразу бросается в глаза, но после деревень и сел становится очевидным. Жить под боком у сёгуна, безусловно, почетно. Это большая честь и уважение, которая прославляет твой род. Всю свою жизнь Тэкеши этим очень гордился. В Кайо же нет иерархии вообще. Даже странно, кажется, будто город живет сам по себе. Людей не очень много, поэтому жители тут как один организм, где по венам текут новости, сплетни и слухи. Тут как будто бы нет уважения, поэтому люди могут вести себя непотребно и грубо. Ну и конечно бедность. Люди тут живут благодаря народным промыслам. Каждый может помочь соседу, рассчитывая на взаимность. Тэкеши не считал это плюсом, потому что отсутствие закона позволяет людям слишком много. Ты будешь жить хорошо до тех пор, пока у тебя хорошие отношения с соседом.

– Я был в Эдо лишь единожды, как раз во время своего

путешествия. Красиво там у вас. Дома такие новые и чистые!

– Я видел рыбацкую деревеньку у берега, она совсем непохожа на Кайо...

– Понимаю, все гости, которые к нам попадают, задаются этим вопросом. Да, действительно, Кайо не простой город. Наши дома богаче деревенских. Наши дороги вымощены камнем. Дело в том, что давно, может, пару веков назад, у нас был господин, который мог бы претендовать на объединение с кланом императора. Страна переживала тяжелые времена: междоусобные войны, отсутствие централизованного управления. Императорская семья была слаба, поэтому фактически, во главе Японии стоял тот, чья армия сильнее. Тогда наша родина была разрозненной, военачальники и советники управляли провинциями и соперничали друг с другом. Наш город процветал под началом одного из таких. Было это ровно до тех пор, пока его не разгромили со всей армией в центральной части. Теперь, когда у нас новый сёгунат, в столице и дела нет до нашего городка. Поэтому ты мог видеть людей, которые практически голые ходят в дешевых одеждах, но живут в хороших домах, пускай и старых.

Дома действительно были старыми. Тэкеши не сразу обратил внимание на это, но казалось, что новых построек тут совсем не появляется, а сам город находится в каком-то запустении

– В Эдо о нас возможно и не знают, поэтому и вынуждены выживать как можем, без поддержки империи. Ни армии, ни

поставок еды, ни торговых связей, мы изолированы за этими горами от всего внешнего мира. Но будь уверен, как только наш город чем-то прославится, о нас сразу вспомнят, и не верю я, что заслуги эти останутся нашими.

Монах любит этот город, хоть и рассказывал о нем с грустью. Тэкеши не отследил, сколько еще Камидзу восхвалял Кайо, но когда лучи солнца прорвались сквозь окна в комнату и заскакали по стенам, стало ясно, что светило миновало зенит и сейчас медленно пошло в сторону горизонта

Монах заметил взгляд самурая и, с присущей ему пронизательностью, воскликнул:

– Что это я, сам ведь обещал, что не украду у вас много времени. Просто, иногда так приятно встретить новое лицо. Моя цель – найти мудрость, познать законы праведной жизни и поделиться ею с миром, с вами в том числе.

– Спасибо за ваше гостеприимство, – Тэкеши наклонился вперед в знак уважения и благодарности.

– Я принял вас, потому что почувствовал, что вы нуждаетесь в этом. Кто-то должен был вам рассказать про это место, чтобы вы не были тут чужаком. Мои двери всегда открыты странникам. Соседи этого не понимают, но я верю, что чужак останется чужаком ровно столько, сколько мы таковым его будем считать, хоть всю жизнь.

Выйдя из храма, Тэкеши осознал, что что-то изменилось. Нет, он все также не хотел общаться с местными жителями. По-прежнему ему казалось, что город страдает от этих па-

разитов, а он единственный человек на всем этом острове, кто может смотреть сквозь маски. Казалось... Но сейчас он понимал, что он остается. Он понимал, что ему не просто некуда больше идти – ему незачем куда-то идти.

А вот и рынок, днем тут однозначно больше людей. Стойки изобилуют различными продуктами, как и в прошлый раз, Тэкеши решил взять лишь самое необходимое: рис и овощи. Сегодня можно взять мяса, но на один раз, он не планирует возвращаться, ближайшие пять дней так точно.

За прилавком стоял молодой паренек. Его крупное тело было подвязано фартуком. Большие щеки разглаживали лицо, делая его моложе. Со стороны могло показаться, что ему не больше четырнадцати, однако голос и легкая колючесть на его подбородке говорили, что юноше как минимум семнадцать. Самурай и в прошлый раз покупал рис у него.

Грохот и свист. Затем последовали крики. Топот копыт и стук колес. Треск дерева и снова крики...

Глава 5. Кукольный город

*Толпа на дорогах
Стоящих без сил
Сотен людей,
И с мыслями ты:*

*К черту все это,
Оставить, уйти,
Довериться сердцу
И зову пути.*

– Сегодня утром первый листочек раскрылся на моем персиковом дереве! Представляете? Я так долго выхаживал его, с самой косточки, – глаза тучного продавца горели из-под кудрявых прядей его темных волос.

– Ах, По, – женщина, стоявшая у его прилавка перед Тэ-кеши, улыбнулась. – Ты всегда был очень добрым, оставайся таким всегда. Щеки молодого продавца покрылись румянцем, и покупательница, заметив это, засмеялась, будто ветряные

колокольчики зазвенели в тишине утра.

– Как твоя мама? Она все еще шьет кимоно? Что-то я давно ее не видела.

– Да, мама в порядке, спасибо Охико-сан. Теперь на рынок

вместо нее ходит Каваими.

– Но ей же только-только исполнилось тринадцать! – удивилась женщина. – Это ответственное дело.

Добряк По пожал плечами, отсыпая рис в мешок и протягивая его Охико. Он знает, что его сестра очень ответственная девочка, ему не кажется, что она слишком молода для этой работы.

– Мама стала уставать от длительных походов на рынок, поэтому мы с Каваими теперь сами работаем.

– Если бы у меня были такие дети! Твоя мать самая счастливая женщина! До завтра, По.

– До завтра, Охико-сан! – паренек улыбнулся и помахал ее вслед, его рука немного нелепо и неуклюже потряслась над головой и быстро опустилась под прилавок. – Добрый день, господин...

– Рис, яйца, баклажаны и батат¹⁴

– Конечно! – По засуетился, собирая заказ. – Как ваше утро?

Тепло сегодня, не правда ли?

Заметив молчание Тэкеши, который не поднимал головы так, что юноша мог видеть лишь кончик подбородка из-под широкой шляпы, По немного смутился и уставился на свои руки, сопя собирая батат в мешок, который ему передал самурай.

Этот юнец показался воину таким забавным. С приоткры-

¹⁴ Батат – сладкий картофель, распространенный в Японии.

тым ртом тот теперь старательно перевязывал все веревкой.

– Да, сегодня тепло.

Добродушный паренек удивленно поднял глаза и неловко улыбнулся, потом снова уставился на свои руки, слегка втянув шею и покраснев. Немного погодя, он открыл было рот.

– Я, кстати...

Но его прервал оглушительный грохот и свист. Затем последовали крики. Топот копыт и стук колес. Треск дерева и снова крики.

Тэкеши растерялся и обернулся, ища глазами источник звука. Люди вокруг засуетились, некоторые схватили свои сумки и поспешили в центр площади, остальные вжались в стены домов, будто бы в одну секунду надеясь срастись с ними. Продукты покатались по полу: кто-то уронил сумку, но так спешил покинуть центр площади, присоединившись к другим жителям, стоявших в тени от крыш домов, что даже не попытался поднять ее, и теперь неясно было, кто этот неуклюжий человек.

Через мгновение на площади появились люди на лошадях с обнаженными клинками. Они кричали, делая круг по рынку, громко смеялись и свистели. Некоторые из них, кто был не в седле, подходили к деревянным прилавкам и бесцеремонно брали все, что хотели, отталкивая горожан, встречавшихся им на пути.

Это были мужчины в грязных тряпках, повязанных на бедра. Было понятно, что за внешним видом никто из них не

следил, эти куски ткани служили им исключительно практически: карманы, кое-как пришитые, да сабли, свисающие с пояса. Распахнутый ворот рубах у тех немногих, кто подвязал их на свои потные тела, был весь грязный, полный пятен жира и крови, навряд ли кому-то из них было не плевать на это, поэтому на стирку они уделяли немного времени. Хоть многие из них и казались невысокими, плотными и уже лысеющими, даже в них можно было разглядеть выносливых воинов: выпирающие икры выделялись на ногах, показывая отсутствие жира; у тех, что ехали верхом на лошади, проступал рельеф на бедрах. К тряпкам, обмотанным вокруг таза, в которые были заправлены их рубахи, были прикреплены ножны, сейчас пустующие, так как серебро сабель уже отражало лучи послеполуденного солнца, рассекая воздух, со свистом деля как будто бы каждую пылинку, случайно парящую над землей, на две половинки. Грязные лица, не вызывающие никаких симпатий, казалось, были лишены любых человеческих чувств, выражая лишь животный азарт. Они были похожи на подростков, которые смотрят на уличную драку и выкрикивают имена тех, кому желают победы; те тоже не способны к состраданию, их не интересует ничего, что происходит вокруг, кроме того зрелища, ради которого собрались. Они забываются в эгоистичном желании удовлетворить свои потребности, наплевав на всех окружающих. Для таких людей существует лишь «Я», и даже их общность друг с другом, ни что иное, как стая других таких же эгоистич-

ных «хозяев мира», живущих лишь для себя. Помимо всего прочего от них исходил ужасный запах, свидетельствующий о том, что с водой эти неотесанные мужланы встречаются лишь в двух случаях: когда пьют и когда справляют нужду, но мытье они не признают, считая его пустой тратой времени.

Следом на площадь выехала телега с высокими бортами, обтянутыми тканью. Местами появившиеся дыры выдают старость этой материи и постоянные сражения, в которых эта развалина на колесах становилась центральным объектом. Из телеги также выскочили незнакомцы и направились в сторону горожан, смеясь и размахивая мечами. В глазах виднелись удовольствие от чужого страдания и предвкушение.

– Господин, – тихо позвал молодой торговец. – Пройдите лучше сюда.

Он позвал Тэкеши рукой, немного отодвигаясь от своего прилавка.

Самурай, все еще не до конца понимающий, что происходит в этом чертовом городе, сделал пару шагов в сторону и оказался рядом с По.

– Все нормально, такое у нас иногда случается. Они ничего не делают с нами, если мы не спорим.

Тэкеши заметил, что все вокруг смотрят в пол, лица их не выражают никаких эмоций, люди словно выключились и потеряли возможность чувствовать. Сейчас вся площадь была

заполнена куклами, безжизненно уставившимися в пол.

– Соберите их всех в центре, на этой площади! – крикнул крупный всадник, спрыгивая с лошади. – Пройдитесь по домам, найдите всех, пусть несут свои запасы.

Группа мужчин с дикарским криком бросилась в рассыпную, не особо церемонясь с людьми, сидящими на каменном полу.

– А вы чего по стенам жметесь?! Я должен сам тащить еду к телеге?

Один из разбойников подошел к женщине, стоявшей на углу дома, и вонзил саблю в древесину над ее головой. Она с криком бросилась в центр площади и упала на колени, за ней последовали и другие люди.

Главарь загоготал грубо и раскатисто, а его шайка подхватила этот смех.

– Кажется, вы начали забывать, кому вы все обязаны за такую счастливую жизнь? Разве не мы пришли к вам, когда вы остались без армии? Разве не мы гарантируем вам безопасность? Правильно, мы! А что, если бы на вас напали разбойники? – мужчина вновь расхохотался, заставляя грудь сотрясаться, а вены на шее вздуться.

– И что же мы просим взамен? Всего лишь немного еды, чтобы восстановить силы после тяжелой службы и денег, для обустройства нашего скромного быта!

Он подошел к прилавку, на котором лежали фрукты и овощи, и взял яблоко. Потерев его о распахнутый ворот рубаш-

ки, видимо, чтобы почистить его, хотя еще неизвестно, не сделалось ли от этого оно еще грязнее, и со звонким хрустом надкусил его.

– А вы, свиньи неблагодарные! Вместо того, чтобы встречать нас с радостью, ищете любой способ утаить от нас то, что мы ищем!

На этот раз смешок прозвучал кратко, и сильное бедро с четким рельефом мышц, открывающихся из-под повязки, ударило по перекладине прилавка. Нога, сделанная будто не из плоти, а скорее стали, прошла насквозь. Дерево с треском лопнуло, высвобождая рой щепок, разлетевшихся в разные стороны. Ровная поверхность, на которой лежали продукты покосилась, и все арбузы, яблоки, персики, баклажаны и огурцы покатались по площади, иногда натыкаясь на людей, сидящих на полу, по-прежнему не решающихся поднять головы вверх и как будто не замечающих этого.

– Соберите с прилавков все, что нам нужно! – приказал он своим головорезам.

С шумом, распихивая всех сидящих на площади, разбойники направились к их продуктам. Минут через пятнадцать вся еда оказалась в телеге, оставив прилавки пустыми, будто бы сейчас раннее утро, и горожане просто еще не успели выставить свой товар. Некоторые из оставшихся разбойников разбрелись по городу, в поисках наживы, другие схватили молодую девушку и ворвались в ближайший дом. Главарь остался развлекать себя, продолжая запугивать людей

на площади. Он был похож на хищника, который наслаждался своей добычей. Он считал себя сильнейшим, он был уверен, что ему ничего не будет. Безнаказанность опьяняла его. Но Тэкеши знал о нем больше, чем, возможно, он сам. Самурай встречал таких людей, он видел их личину. Они слабые, трусливые люди. Скорее всего его была мать, внушая ему мысль о его неполноценности. Он не уверен в себе как в человеке, поэтому нуждается в том, чтобы продемонстрировать силу всем, любясь собой как павлин. Легко быть таким, когда соперника держит связанным твоя банда. Он не уверен в себе как в мужчине, поэтому овладевает женщинами против их воли. Подавляя их дух и подчиняя себе, он компенсирует свою неполноценную мужскую силу.

Над городом нависла страшная тишина. Тишина, похожая на ту, которая была неделю назад в том самом рыбном городке. Главарь замолчал. Он стоял, возвышаясь над телами людей. Они не умерли, но и на живых слабо походили. Он насытился их страхом, проявил так жизненно необходимое доминирование и теперь ждал своих ребят, чтобы погрузить добычу в телегу и отправиться обратно в свое логово, пока эта потребность не вернется. А люди молчали, потому что боялись. Но Тэкеши видел, что это не просто страх. Не то животное чувство, которая испытывает мышь, убегая от орла, желая спастись. Жители этого города поверили, что единственное, что они могут сделать – отдаться своему врагу. Кажется, будто они решили, что это благо для них; кажется, они

приучили себя к смирению. А сейчас сидели, уставившись в пол, не показывая никаких эмоций, потому что знали: если лицо и дрогнет с каким-то чувством, это будет чувство отворачивания к самим себе. Тот огонек, который они так долго в себе гасили, в одну секунду может вспыхнуть, стоит лишь перестать верить в справедливость происходящего, но тогда слишком велик риск, что пламя сожжет не захватчиков.

Горячая струйка крови прочертила на руке Тэкеши линию – он так сильно сжал кулаки, что кожа не выдержала. Мысли переполняли его голову. Если бы на нем не было столь широкой шляпы, разбойники точно увидели бы все презрение и отвращение в его глазах.

Из-за угла вышла девушка. Самурай мог бы сказать, что она очень красивая, но сейчас ее глаза были пустыми, руки бессильно висели, слегка покачиваясь в такт шага. По ногам медленно стекала кровь. Если бы она прямо сейчас легла на землю, Тэкеши готов поклясться, что спутал бы ее с мертвой. Ее немного качнуло: один из разбойников, шедших сзади, пихнул ее, когда она замедлила шаг. Девушку толкнули в толпу сидящих людей, и Тэкеши впервые увидел, что одна женщина подняла глаза, в них отразился страх, боль, скорбь и... ярость? Да, из всех возможных чувств больше всего это походило на ярость. Она обняла молодую девушку и усадила рядом с собой, опустив ее голову и прижав к себе. До Тэкеши долетело:

– Все хорошо, Тэмико, все хорошо, моя милая.

Этого никто не заметил, может только По, но глаза самурая на мгновение расширились. А возможно он просто сказал то, что было у всех на уме.

– Если хоть кто-нибудь что-то сделает – всем будет хуже.

Конечно, Тэкеши и сам это понимал. Как бы отважен он не был, он не глуп. Храбрость сама по себе ничто. Без благоразумия она едва ли отличима от трусости. Воин давно познал цену смелым поступкам: лишь те из них достойны уважения, которые совершаются с пониманием возможных последствий. Если же такая храбрость творится, полагаясь на волю случая, это не более, чем отчаяние, оно же бессилие.

Оглянувшись на горожан вокруг, самурай внезапно вспомнил, с каким презрением он о них думал. Ему стало не по себе. Сейчас, когда он смотрел на этих людей, он понял, чего они лишены. И речь идет не об образовании, манерах, богатстве. Нет, у этих людей нет кое-чего поважнее – духа. Потеряв это, человек лишается свободы, воли, личности. Именно личность превращает пустой сосуд с базовым набором инстинктов в тех, кем мы являемся. Те же из нас, кто потерял ее, потерял и возможность жить в том мире, который принадлежит им, который играет по их правилам и дополняет их. Они начинают сами адаптироваться под условия, которые раньше показались бы им отвратительными. И это самое ужасное. После этого такой человек станет лишь фигурой на шахматной доске. Какой именно, пешкой или ферзем? Так ли это важно, если можно было быть гроссмей-

стером.

Смог бы Тэкеши так жить? Нет. Он знал, что стоит ему смириться, стоит ему потерять свой дух – он перестанет существовать. Как только он перестанет существовать, его пустой сосуд с инстинктами лучше убить, чем позволить пребывать в этом мире, поощряя слабость. Что же тогда он будет делать? Этот вопрос куда более важный сейчас, когда жизнь как бы насмехается и злорадствует, подстраивая испытания его принципов. Ответ не за горами. Бессилие не означает бездействие.

Тем временем разбойники закончили все грузить в свою телегу. Главарь с улыбкой на лице проходит между рядами обезволенных горожан. Знает ли он, что творит? Считает ли себя плохим человеком? Какие оправдания он находит себе? Никто не творит зла. Никто никогда не сделает чего-то злого. Каждый всегда себя прощает и уверяет, что так надо. Все верят в доброе начало своих действий. Так как же этот монстр оправдывает себя и своих разбойников? Что должно случиться в извращенной голове, что он разучился видеть? Потому что только слепой не увидит всего ужаса, который написан на лицах местных жителей. Несмотря на то, что эти кукольные головы не выражают ничего, не надо познавать ту мудрость, которую познал Тэкеши, чтобы заглянуть за эти маски и увидеть их настоящие эмоции. Что случится с лаварем разбойников, если в одну прекрасную ночь он осознает? Сможет ли его сердце и дальше качать кровь, легкие – ды-

шать, а мозг – мыслить? Или все его тело пойдет против него в ту же секунду, как осознает, что без такого человека в мире станет лучше. Может по этой причине он творит все это? Потому что знает: назад дороги нет. Можно либо дальше продолжить зверства, либо отказаться от них, признав свое злое начало и приговорив себя тем самым к смерти. Несчастный человек, раб своих слабостей, жалеть которого было бы моральным преступлением.

– Друзья мои! Спасибо вам за продукты, любезно нам предоставленные, – кривая улыбка скользнула по лицу тирана. – А теперь у меня к вам еще одна просьба.

По, сидевший рядом с Тэкеши, вдруг открыл глаза. Самурай увидел в них удивление и страх. Похоже, он понимал, что происходит, но так сильно отказывался в это верить, что смог себя убедить, что действительно не знает, о чем сейчас попросят разбойники. Лишь капелька страха в глазах и едва шевелящиеся губы, скорее всего, неосознанно, выдавали истину.

– Нам с моими солдатами бывает очень одиноко...

Гогот разбойников со стороны поднялся и прервал речь их лидера. Он определенно представляет себя легитимным правителем из высшего света, эта мысль тешит его самолюбие приближая его к тем людям, которым в детстве он, скорее всего, служил. Но и это было лицемерие, потому что в глубине души он знал свою природу, он знал, что его власть опирается совсем на иные инструменты, не просто отдаляя

его от понятия справедливого правителя, но показывая его недостойность.

– Нам бывает одиноко, – повторил он. – И мы начинаем злиться. Вы же не хотите, чтобы мы злились?! Поэтому мы учтиво просим пятерых девушек присоединиться к нам.

В этот момент Тэкеши увидел, как жители подняли головы. Они не смогли сохранить свою бездушную кукольность и посмотрели прямо на главаря. Скорее всего, он увидел в глазах мужей гнев, но еще больше его напугал взгляд матерей, потому что улыбка с его лица пропала, и он рявкнул:

– Встали все! Вакай, подойди ко мне. Ты сегодня впервые в походе и очень хорошо себя проявил.

Молодой юноша вышел из толпы разбойников. Лицо его, даже под слоем грязи, все равно было очень приятным. Он был достаточно высок и подтянут. Молодое тело было мускулистым, с явно выделенными изгибами, но ни одного шрама или раны – это действительно его первый поход. Он подошел к вожаку.

– Я позволю тебе выбрать девушку, которая скрасит нам наш угрюмый мужской быт. Выбирай хорошенько, ты делаешь это не только для себя, но и для товарищей.

Вакай сделал шаг к толпе и пристальным взглядом окинул первые ряды. Подойдя к молоденькой девушке, которой, вероятно, и не было еще семнадцати, он взял ее за подбородок, будто выбирал скотину на убой, провел пальцами по линии шеи до ключиц, где ее кимоно запахивалось, открывая лишь

белый воротничок. Он довольно улыбнулся, запустив руку под материю халата.

Тэкеши посмотрел на По. В глазах того читался уже неподдельный ужас. Он уставился в одну точку. Проследив за взглядом, самурай понял, что По уставился на девочку, которая стояла прямо рядом с той, которую сейчас изучал Вакай. Он был весь бледный, губы и руки дрожали. Тэкеши невольно подумал о несправедливости: за что этого разбойника одарили таким телом, способным заманить стольких девушек в ловушку? Ведь душой он слаб, а разум его извращен. Если бы таким подарком судьба наградила По, вероятно было бы куда правильнее.

– Отличный выбор! – крикнул глава разбойников.

Вакай обхватил свой трофей и направился к друзьям у телеги.

– Теперь подойди ты, – разбойник поманил пальцем молодую девушку. – Хорошенькая! – засмеялся он. Девушку подхватили и отвели туда же.

А жители по-прежнему играли роли кукол, не реагируя никак на происходящее вокруг. Возможно, они верили, что, проснувшись на следующее утро, они поймут, что это был сон. Интересно, в какой раз они уже так делают? И на какой раз они поймут, что этот кошмар происходит наяву?

– Вы две! Подойдите ко мне, мне нужно посмотреть на вас получше.

Двух молодых девушек вывели из толпы. Тэкеши было

неприятно смотреть. Еще вчера они помогали матерям по дому, а завтра... Омерзителен мир, в котором возможно такое.

– Ну что же, теперь последняя, – главарь осмотрел толпу, и внезапно лицо его переменялось. Казалось, он пытался сыграть умиление, но то, что выражали его глаза было отвратительно и противно.

– Подойди ко мне, дитя. Мне кажется, тебе очень понравится у нас. Ты любишь путешествовать?

И тут Тэкеши замер. Из толпы несколько робких шагов сделала маленькая девочка. Она не могла быть старше семи лет. Она была совсем как... как...

В толпе раздался неистовый крик. Молодая женщина вдруг вскочила, очнувшись ото сна. Казалось, она была единственной живой душой среди всех этих мешков с костями, она обегала их, перешагивала, пробираясь к ребенку. Слезы застилали глаза, горло не переставало издавать нечеловеческие крики, ноги, казалось, не слушались ее, предательски подгибаясь, но, несмотря на это, она за несколько секунд преодолела все расстояние и уже почти добежала до девочки.

Один из разбойников ударил ее, она упала без сознания в толпу, и та поглотила ее, укрыв собой.

Девочка плакала, не решаясь сделать и шага, пока тот монстр стоял перед ней и тянул к ней свою руку. Он улыбался, думая, что тем самым кажется дружелюбней, но никто на свете никогда не назвал бы это выражения лица приятным.

Тэкеши оцепенел. Время остановилось. Он знал, что не позволит ее маленькой ручке оказаться в руке этого монстра. Он не глуп, чтобы выступить против вооруженных бандитов. Он не глуп, чтобы оказывать им сопротивление, от этого хуже будет всем.

Его ноги начали разгибаться. Он начал вставать. Он знал, что будет с этой девочкой. Все присутствующие это знали. Все понимали, но никто даже головы не поднял!

Он не глуп, чтобы выступить против вооруженных бандитов. Он сделал уверенный шаг. Еще один. Кулаки сжались, прорывая кожу на ладонях.

– И на кой черт она вам нужна?! – скрипучий голос, но до боли знакомый, прорезал тишину, такую постыдную для всего города, демонстрирующую полное бездействие.

Главарь бандитов опешил и даже не сразу нашел взглядом ту, кто осмелился это сказать.

– Зачем вам эта неумеха? Вы хоть понимаете, что она ребенок? Или вы думаете, что сможете крикнуть на нее, и она перестанет плакать? Вот, пожалуйста, у нее уже истерика, хотела бы я посмотреть, как вы справитесь с ней! Ударите? Ну же, уверена, она сразу успокоится!

– Что ты себе позволяешь?! Совсем обезумела, старуха? – разбойник был совсем не готов к такому.

– И этих еще набрал! Я знаю их семьи. Поверь мне, если ты думаешь, что они смогут как-то повлиять на ваш быт, я тебе скажу: в них от женщин, одно название!

Нана говорила спокойно, даже с улыбкой. Как ей удалось почувствовать такую свободу?

– Мужчины! Вам достаточно милого личика, да фигуры попышнее, чтобы забыть обо всем! Если бы ты смог хоть на секунду подумать своей головой, то понял бы, что девушки, которые хоть чего-то умеют, были бы куда более полезными для вас.

Нана начала медленно идти с задних рядов толпы к ребенку, плачущему в центре площади.

– Я вижу, какая на вас одежда. Вы вообще знаете, что есть люди, которые не покрыты грязью? Посмотрите на меня! Я и соринки на себе не приемлю!

Она вышла из толпы и стояла лицом к лицу с главарем разбойников. С ровной спиной, статная, ее волосы были аккуратно зачесаны наверх, кимоно, хоть и недорогое, но очень опрятное собрано, бережно подвязано. Лицо выражало особую породу: такие люди даже в бедности выглядели по-королевски.

– Что ты хочешь сказать? Что вообще мешает нам зарезать тебя за дерзость?

– Я вижу, как вы живете. Осмелюсь предположить, что если у вас и есть девушки в доме, то такие же неумехи, как эти. Вы их еще пади взаперти держите, как рабынь.

– К чему ты клонишь? – неуверенно спросил главарь.

– Ну, если бы кто-то поехал к вам, чтобы обустроить нормальную жизнь... Достоинная женщина, которая умеет рабо-

тать, а не эти недотепы. Эта женщина смогла бы обучить всех и стала бы поддерживать порядок.

– И что же ты предлагаешь? Неужели ты решила, что мы возьмем тебя?

– Ну можете меня, можете кого-то еще. Есть желающие?

– женщина развернулась к толпе. – Ну же, может кто-то хочет? Может кто-то думает, что способен на такое? – она развернулась к разбойнику. – Похоже, что никто не хочет... Но, уверяю вас, я тоже неплохо справлюсь. Не люблю хвастать, но я считаю, что никто лучше меня с этим бы и не справился! И уж тем более не эта девчонка, которая еще даже не девушка!

Женщина начала отворачиваться от главаря и медленно направилась вдоль толпы, которая робко смотрела в пол, как и прежде, но только теперь это был не страх, не отсутствие воли. Это был стыд! Стыд, который будет преследовать их теперь очень долго. Даже когда они смогут поднять глаза, они навряд ли смогут хоть единожды об этом когда-нибудь вспомнить. Точнее заговорить, потому что помнить об этом они будут всегда.

– Ах да, если вы думаете, что сможете управлять этими девочками, я вас спешу расстроить. Никто не сможет с ними управиться лучше меня. Вас они будут бояться, а меня уважать.

С этими словами она остановилась спиной к разбойникам. Она смотрела на толпу, но казалось, будто бы сквозь людей.

Тэкеши поймал ее взгляд, она улыбнулась ему, было в этой улыбке что-то даже снисходительное. «Учись, пока я жива», – прочел в нем самурай.

– Ладно, старуха, твоя взяла! – крикнул главный разбойник.

– Но, если не справишься – не носить тебе больше головы!

– Если я и не справлюсь, так это только из-за того, что вы, растяпы, думали совсем не головой, когда выбирали девушек! – пожилая женщина резко развернулась на этих словах, а глаза ее вспыхнули. – Но я справлюсь.

Разбойники не ожидали такого от простой горожанки, и даже не знали, как реагировать. Сложилось ощущение, что каждый из них получил нагоняй от матери и теперь не знает, что говорить.

Тэкеши понял, насколько он ошибался на ее счет...

Он бы просто устроил драку, в ходе которой был бы убит, а ребенка все равно забрали бы. Был бы смысл в таком поступке?

Женщина гордо прошла к четверем остальным девушкам. Эта статья не исчезла, даже когда разбойники попытались затолкнуть ее в телегу. Она одернула руку, яростно посмотрела на них и спокойно сама залезла в нее, опершись рукой на плечо опешившего бандита.

Телега укатила прочь из города. Жители начали постепенно приходить в себя. Тэкеши стоял и не мог поверить своим глазам: эти люди вставали с колен, отряхивались, натяги-

вали улыбку и уходили кто куда. Будто бы они все забыли, как чуть не отдали в рабство семилетнюю девочку, будто бы все забыли, как Нана совершила подвиг и заставила прислушаться даже своевольных разбойников во главе с самодуром.

– Хорошо, что обошлось без крови, – неуверенно сказал По.

Тэкеши резко обернулся на него. Он был полон ярости. Он не ожидал такого от этого парня. Неужели и он будет делать вид, что ничего не случилось, принимать это как данность?!

– Бывали и хуже визиты. Главное, что все живы, а продуктов еще вырастим...

На последних словах По вздрогнул, все это время он смотрел в пол. Он тоже понимал весь абсурд своих слов и стыдился этого.

Тэкеши хотел было сказать ему, что думает о горожанах, но вдруг увидел глаза паренька. Он опять смотрел в определенную точку, в них был и стыд, и облегчение. Самурай не стал оборачиваться, он знал, на кого смотрит По. Сегодня он не потерял сестру. Он имел право на это облегчение, но сейчас Тэкеши не мог этого простить.

Самурай развернулся и пошел в другую сторону, не смотря ни на кого: он не мог видеть этих людей. Ему плевать на этот город. С чего его должно волновать, что здесь происходит? Это не его дело.

Глава 6. Новая забота

*Бессонная ночь, одна за другой,
Накрывает своей огромной волной,
Тонешь в глазах хитрой луны,
Ищешь ответы, но где их найти?*

Толпа постепенно растворялась. Перед глазами Тэкеши были лишь его ноги, размеренно шагающие по каменной площади в сторону улицы, ведущей из города. Яйца и овощи разбойники успели забрать, но мешок риса упал за прилавок, поэтому его удалось сохранить. Ну, хоть какая-то еда будет, ее должно хватить дня на три. Взгляд Тэкеши упал на женщину в центре площади. Она единственная никуда не спешила, единственная, на чьем лице не было выражения повседневного спокойствия. Она обнимала дочь и плакала, глядя ее по голове и целуя руки. Самурай остановился и стал наблюдать. Она отличалась от других жителей. Единственная, кто показал свою ярость, кто осмелился ее выплеснуть на разбойников. Да, была еще Нана, но та не злилась. Она сделала это спокойно и с достоинством. Она не потеряла контроль над собой и владела ситуацией с первой до последней секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.